

Черный человек

Автор:

[Даша Пар](#)

Черный человек

Даша Пар

Кажется, что всё в жизни предопределено судьбой. И адрес, записанный на самой последней странице записной книжки, обязательно окажется судьбоносным, ведущем по такой длинной и извилистой дорожке жизни. У Марго пропал брат и Элли единственная кто может его найти. Судьбы двух таких похожих девушек переплетаются в терновый узел, цветущий пышным цветом на той стороне реальности – на Изнанке. И первая любовь окажется роковой, и воспоминания о детстве не тем, чем кажутся. И мир – совсем не такой, каким видится! А над ними громадной тенью нависает он, Чёрный человек.

Даша Пар

Черный человек

Предисловие

Черный цвет массивен, он полон оттенков, сочетаний самых мрачных и скрытых помыслов, он способен увлечь за собой на самое дно сожалений, грусти и отчаяния. В темноте есть истина, есть своя прелесть непознанного, нераскрытого, запретного. Она – олицетворение наших самых глубоких и чувственных желаний. Если долго смотреть во тьму, можно увидеть в ней своё отражение. Увидеть то, что не желаешь видеть, познать самую пугающую сторону своего существа.

Ни одна история не обойдётся без истинного злодея, слишком долго всматривавшегося во мрак. Ни одна легенда не может существовать без злых духов, обитающих по ту сторону бытия.

Тьма полна холода, страданий, бесчисленных путей, ведущих на нижние уровни беспросветной глубины. Она вся наполнена этой горестью, колючим льдом, сковывающем душу в оковы страха. Но самым пугающим является истина – это навсегда. И тогда отчаяние становится твоей постоянной спутницей, и только со временем она будет замещена более глубинным, опасным чувством – смирением. Тоской. И всё, что тебе остаётся – вспоминать, шаг за шагом погружаться в своё прошлое, ведь только там сохранились те немногие остатки света. Только благодаря немногочисленным воспоминаниям, можно вновь почувствовать на себе тепло солнца, его ласку и нежность. Вспомнить каким счастливым и беззаботным ты был когда-то. Это всё, что остаётся утопающему в бескрайних водах чистой тьмы. Ты больше никогда не познаешь свет.

Ночной проспект. Крик, надорванный прямо в глотке. К шумной толпе прохожих, окутанных флёром ранней зимы, из глухого переулка выбегает молодая девушка в разорванном пальто сиреневого цвета. Она падает, спотыкаясь о неровную брусчатку и ей на помощь подбегает молодой человек.

– С вами всё в порядке? – спрашивает, помогая подняться.

– Он идёт за мной, – шепчет девушка и в её глазах просыпается безумие. – Он идёт!

Вырывается из рук и, отталкивая парня, бежит напрямик прямо под колёса машин.

– Постой! – но она уже ничего не слышит.

Ведомая рукой невидимых ангелов-хранителей, черноволосая пересекает проспект и скрывается среди облупившихся, старых, похожих на лабиринт, домов.

– Быстрее-быстрее-быстрее, – проговаривает про себя, обхватывая плечи в попытках унять холод и дрожь.

Сорванные коленки саднят, каждый шаг отзывается болью, с потрескавшихся и лопнувших, искусанных губ падает кровь, но она не замечает ни боли, ни усталости, страх толкает вперёд.

– Автомат!

Как раритет, реликвия, перед ней возник пережиток прошлого, чудом сохранившийся в центре Москвы. Ускорившись, цепляется за грязные стёкла, лихорадочно ощупывает карманы, пытаюсь наскрести мелочи, снимает с рычага трубку и...

– Это только между нами, блистательная! Зачем ты убежала, любовь моя? Ведь нам было так хорошо! – раздаётся обольстительный голос.

Тихонько вскрикнув, она роняет монеты и трубку и отступает, прижимая ладони ко рту.

– Нет! Нет! – всхлипывает, сдерживая рыдания, замирает, ужас сковал её.

Поворачивает голову в сторону тёмного тупика, как будто слыша – он уже близко, как будто чувствуя – он там.

Какая-то сила поднимает девушку в воздух, а затем опрокидывает на грязный асфальт, последний крик и она исчезает в тупике, оставив после себя кровавые царапины на земле.

На улочку спустилась тишина.

Глава 1

Элли

Черный день похож на грубую картинку сюрреалиста. Открыть глаза, вдохнуть полной грудью пронзительно-ледяной воздух – разве это не может быть самым честным и светлым пробуждением?

Вдыхая зиму, в полной темноте нащупала на полу мягкий ворс халата и затащила под одеяло, не желая полностью окунуться в лёд, окружающий смятую от бесконечных кошмаров постель.

Выбираясь наружу, блаженно тяну руки вверх, отрываясь от земли, замирая на самых кончиках пальцев ног. Босая, ёжусь, ступая по шершавости замёрзшего пола, подхожу к закрытому чёрными экранами окну и открывая их, подставляю лицо прозрачной ясности морозного утра.

Изо рта вырываются облака пара, отчего вновь содрогаюсь холодом. Не могу сделать полный вдох, вытягиваюсь вперёд и закрываю окна, а затем опускаю заочиненные пальцы вниз, прикасаясь к старым обогревательным трубам. От них идёт жар как от печки, скоро помещение прогреется и станет тепло, но мерзко. Холод освежает мысли, делает их кристально-чёткими и ясными, но, в тоже время, закрывает от тебя способность жить, мешает желать простых вещей. Всё, что остаётся – бесконечный, бескрайний поток сознания, плавно погружающий тебя на самое дно сновидений.

Разворачиваюсь и, щурясь от охватившего комнату яркого дневного света, медленно бреду в ванную комнату, чтобы окунуться в горячие струи воды, согреваясь и пробуждаясь от очередного мрачного и злого сна.

После, проснувшись и посвежевшая, спущусь по старым скрипучим половицам на второй этаж, где на кухне меня дожидается хитрая чёрная кошка по имени Черри. Она обязательно будет сидеть на холодильнике или, свернувшись клубком, на широком подоконнике, где располагается моё лежбище с тёплым шерстяным пледом и пепельницей, доверху наполненной старыми окурками. Кошка будет следить за тем, как открываю дверцу холодильника, достаю сухой корм, а также контейнер с мясными кусочками, который поставлю в микроволновку, чтобы завтрак кошки был сытным и тёплым. Как, пока еда греется, включу чайник и нажму кнопку пуск у ноутбука на широком обеденном столе. Она обязательно спустится вниз и начнёт тереться возле ног в тот момент, когда раздастся долгожданный звонок и я выложу куриное филе в кошачью миску. После заберу блюдо со старой застоявшейся водой, вымою в

раковине и наполню свежей, с улыбкой наблюдая за трапезой любимой кошки.

Когда она закончит, то обязательно благодарно мяукнет, а затем, легко вспрыгнув на подоконник, попросится наружу – гулять по своим кошачьим важным делам. Выпустив её, приготовлю себе растворимый кофе с большим количеством сахара и сливок, уютно расположусь возле окна, приоткрою форточку, достану сигареты и установлю ноутбук на коленях, погружаясь в длинные колонки цифр, процентов и прочих прелестей реальной жизни. Это вырвет меня из действительности где-то на час-два, в течении которых успею приготовить себе простой завтрак, выпью несколько чашек кофе и чая, съем пирожное с эклером и шоколадной подливкой, выкурю около пяти сигарет и окончательно проснусь.

За это время успеет вернуться кошка и я подготовлюсь к выходу на улицу. Выключу ноутбук, слезу с подоконника и поднимусь на третий этаж, где располагается спальня. Переоденусь в тёплый, болотного цвета, свитер, расшитый на белых полосках розовыми оленями, и в утеплённые джинсы тёмно-синего цвета. Натяну новые белые носки, расчешу волосы, забирая их в тугий высокий хвост, а также сбрызну запястья любимыми духами с приятным, но чуть горьковатым, ароматом полевых цветов. Встав перед зеркалом внимательно изучу отражение и, кивнув мыслям, достану самый важный и ценный предмет гардероба – широкую голубую шёлковую ленту, которой закрою шею. Без неё уже очень давно не выхожу на улицу.

Теперь готова спуститься на заброшенный первый этаж.

Здесь всё, как всегда. Покрытые толстым слоем пыли зеркала, заваленные всякой устаревшей мелочью полки, подставки, столики. Старые сушилки для волос, расчёски, валяющиеся на грязном сером полу. За стойкой, где когда-то заседала мама, пусто и темно, только несколько журналов с «модными» причёсками, которые из-за грязи и разглядеть-то издали нельзя, не то, чтобы взять в руки и посмотреть.

Здесь царит атмосфера похорон, запустенья, одиночества и печали. Раньше цвета парикмахерской были сочными и яркими. На стенах висели постеры со

знаменитостями и известными моделями со стильными причудливыми причёсками, с томным и хищным взглядом победительниц. Здесь пахло дорогими духами, лаками для волос, красотой и жизнью. Она была здесь, эта жизнь.

Это был мир свежести, мир счастья, мир обновления. Девушки, приходившие сюда, с радостью расставались со старыми образами, отказываясь от прошлого, чтобы окунуться в мир своего будущего. Новая причёска символизировала новое начало, новый путь, она придавала уверенность и дарила чувство радости.

Таким было моё далёкое прошлое, которое почти не сохранилось в памяти. От него остались только путанные воспоминания бесконечного счастья и любви, что дарили родители. Это было беззаботное детство, чувство защищённости, чувство причастности к чему-то большему – к семье. У меня было это.

Время, когда не знала, что мир жесток и несправедлив. Время, когда была совсем маленькой и до боли невинной. Настоящее детство, разрушающееся день от дня. И конечно, я об этом ничего не знала. Родители делали всё, чтобы скрыть горечь преходящего, но нутром быстро начала осознавать, насколько хрупок этот покой и как легко его можно разрушить.

Сейчас, спустя годы, говорю себе: «У тебя было оно. Детство. Твоё детство. Пускай недолгое, хрупкое, но оно было. И в те дни ты была счастлива. Не многие могут этим похвастаться».

Чем старше становишься – тем сложнее засыпать. И сложнее просыпаться. Сон превращается в жуткую пропасть, из которой нет не только выхода, но и входа. Это как провал посередине – чуть упустишь волну и вот ты уже не можешь вырваться из жарких объятий зыбучего песка, полного скорпионов. Но самым страшным кошмаром становится жизнь, подчинённая бесконечным приливам сновидений. Когда ты словно отказываешься жить в угоду своим кошмаров. Тогда сон прорывается в явь и всё мешается, путается, превращая действительность в сладкую патоку дрёмы.

Иногда спрашиваю себя – жива ли я? Всё, что происходит со мной – это сон или явь? Быть может я ненастоящая? Всего лишь фантазия мёртвого, погребённого в шелка сна? От таких мыслей обкусываю губы до крови, а затем мажу их бальзамом, чтобы на холодном зимнем ветру не болели, не стягивали,

превращая меня в безмолвную мумию, которой и была на самом деле. Всего лишь тень настоящего человека, дыхание на смёрзшемся окне автобуса, чей-то окрик в конце улицы. Пустота, отчаянно пытающаяся жить.

Моё имя – Елизавета Воронцова, но все зовут меня Элли. Я родилась накануне дня всех святых, тридцать первого октября восемьдесят седьмого года и сейчас мне двадцать семь лет. Мои родители давно мертвы, других родственников не имею, близких друзей тоже. Каждый день проживаю как предыдущий, особо не задумываясь о прошлом или будущем. Я не строю планы, не хожу в церковь, не верю в Бога и не поклоняюсь Сатане. Я вижу призраков почти каждый день и в этом вся проблема.

Я обладаю способностью, за которую многие многое отдали бы, но те, у кого она есть – сделали бы всё, чтобы избавиться от неё. Этот дар, персональное проклятье, связующая нить с тем, от чего нужно бежать как можно быстрее. Всё тайное, скрытое пеленой туманов и кладбищ, старинных замков и роскошных столетних отелей, истории, передаваемые из уст в уста, городские легенды, секреты, которые не должны вставать из могил. Это плач, скорбь, боль и невыносимая, нестерпимая тоска с острой примесью горьких страхов. Это всё, о чём мы думаем с самого детства, всё, что мы прячем в своих сердцах, боясь хотя бы раз подумать об этом или думая так сильно в минуты губительной нужды. Это секрет. Это наша судьба. Ответ на вопрос, причисляемый к тем самым вечным вопросам. Надежда и горечь, религия и наука. Вопрос, который должен был оставаться в разделе философии, должен был не иметь ответа для нас, но... Я спрошу себя в миллионный раз: «Элли, ты знаешь, что будет после смерти?» И в миллионный раз отвечу: «Да».

После смерти люди становятся призраками. У этого термина сотня имён, различий и вариаций, для жителей разных уголков мира в их религиях свои ответы на то, что же такое быть призраком. И то, что значит быть призраком в Европе, совсем не означает то же бытие для призрака из Японии. Разная вера, разная религия, разная Изнанка.

Мои призраки – это души тех, у кого остались незавершённые дела на земле. Самые разные печали и горести задерживают их на Изнанке. Самые страшные и

тёмные секреты, пугающие мысли, ноющие в их раскалённых смертью душах. Обречённые вновь и вновь переживать случившееся, не знающие, что мертвы... Но это лишь малая часть обитателей Изнанки. Проклятые несчастные души... сотни тысяч и каждый из них – на краю, ведь та сторона безжалостна к тем, кто не может справиться и унять свою боль, отпустить живых и двинуться дальше.

Люди знают об этом. Я вижу своих двойников на телевидении, читаю о них в книгах и слушаю бредни лжецов на ток-шоу. Люди всегда говорили о том, что мир духов существует. Они верили, что есть экстрасенсы, способные с ними общаться и быть проводниками между миром живых и миром мёртвых. В разные годы эта вера становилась то сильнее, то слабее, в зависимости от того, идёт ли сейчас война, эпидемия, финансовый кризис... в те годы, когда количество мёртвых растёт по экспоненте, живые начинают сильнее всматриваться в смерть, их снедает острая жажда надежды и обманщики ловко этим пользуются.

Раньше часто сравнивала то, о чём пишут в книгах и то, что происходит на самом деле. Книги не лгут о тех, кто не может уйти, потому что у них остались незаконченные дела. Таких большинство. Не лгут они и о существовании полтергейстов, духов намеренно причиняющих людям вред. Не солгали и о мифических дверях, дорогах, ведущих нас вперёд. И да, городские легенды частенько описывают реальных призраков – Кровавая Мэри или Женщина в белом. Нередко эти существа и правда исполняют то зло или добро, что им вменяют. Но есть вещи, которые не найти в книгах. Например, тот факт, что Изнанка может измениться. Что там случаются войны и битвы, рождаются новые идеи и умирают старые. Что там есть жизнь. Жизнь после смерти. Вернее, её самая жуткая и химеричная часть. Я знаю, о чём говорю – я была там.

Каждый день пытаюсь помочь несчастным, угодившим в ловушку между двух миров. Пускай немногим, но по мере моих сил. Это мой дар, моё призвание, моё проклятие, от которого невозможно сбежать, даже укутавшись в шёлковый голубой плащ, сотканный из тысяч защитных ниток. Они лишь оберегают меня от внешних угроз, но защитить от самой себя не в силах. Иногда жалею, что не могу пройти мимо. Жалею, что чувствую их, вижу их боль, их отчаянную попытку прорваться обратно на землю, стать частью круговорота жизни, вновь ощутить вкус солнца на губах... Жалею, что способна облегчить им боль, ведь мои страдания, мои горести и несчастья – они облегчить не в силах.

Ведь это они во всём виноваты.

Полночь на часах. Вечерние сумерки давно собрали в небе чёрный цвет, приправив его белыми точками звёзд. Здесь на мосту пронзительный холодный ветер будоражит душу, сбивая волосы с присущей им прямоты в длинные тонкие нити, заползающие в глаза, рот и нос. Бесконечно поправляя их, грущу о забытой шапке и ниже опускаю капюшон, надеясь почувствовать давно окоченевшие уши. За спиной с шумом и грохотом проносятся поезда, из вестибюля станции сюда спускается тёплый жёлтый свет, озаряя под ногами снег, а над всем этим громко шумит магистраль, слышны клаксоны автомобилей, скрежет покрышек и визг тормозов. Мост едва заметно подрагивает, будто бы спящий кит, просыпающийся на мгновение от соприкосновения с шумным поездом. Здесь, возле парапета отсутствует тишина, но всё равно слышу собственное дыхание и биение спокойного сердца.

Днём проходив под мостом, видела серебристую вспышку, прыгнувшую с моста. Остановившись в кафетерии неподалёку, прошерстила новостные сводки в поисках нужной информации.

Шмыгаю носом, поправляю толстый вязаный шарф и опять вглядываюсь в черноту города, щедро приправленную огнями зданий, фонарями вдоль берега, сиянием далёких дорог. Москва-река спит, она погружена в долгий зимний сон толстыми и острыми льдами, сковавшими её поздней осенью. То здесь, то там, виднеются резкие ледяные глыбы, припорошенные грязно-серым, а в темноте и вовсе чёрным, снегом.

Пустынно. Лишь изредка, засунув руки в карманы, по обледеневшему тротуару, покрытому солью и песком, спешат припозднившиеся прохожие, похожие на нахохлившихся голубей. Один, два, три... всего десять человек за последний час. Не так много, а мимо меня и вовсе никто не проходил. Тем лучше.

Вновь достав телефон, чтобы посмотреть на время, негромко выдохнула. Она уже должна была появиться. Ждать осталось недолго. На её поиски потратила больше часа, но не разочаровалась. Девушка достойна моей помощи. Да даже если бы и не хотела помогать – не смогла бы пройти мимо. Не могу бросить, не могу уйти.

Над мостом пронёсся острый режущий ветер, от которого глаза мгновенно заслезались, отчего всё расплылось в световые пятна. Вытирая слёзы, вдруг ощутила, как ветер меняет свой настрой. Стало неправдоподобно тепло и сухо.

Началось.

А ты танцуй!

Дурочка, танцуй!

И улыбайся!

Тебе ведь все это действительно идёт...

Женское бессвязное пение раздаётся неправдоподобно громко – шум магистралей, поездов, ночного города смолк, оставив меня наедине с этой песней и пьяной девушкой, нетрезвой походкой, направлявшейся в мою сторону.

Она была бы красивой. Была бы светлой и яркой, если бы не потёки туши по щекам, измазанных ярко-красной помадой губ и щёк, этот жуткий лихорадочный румянец, чёрные волосы, колтунами спутавшиеся на голове, испачканная одежда, порванные джинсы, бутылка дешёвого пойла в руках. Она идёт, шатаясь, горланя во всё горло, зло с отрывом, периодически прикладываясь к горлышку бутылки. Жадные глотки, надрывистый кашель и слёзы, слёзы...

Девушка встаёт рядом со мной, меня не видя. Она смотрит на мутную воду Москва-реки и кривит губы. Её переполняет тьма, злость и гнев, и острое, почти невозможное сожаление.

– Я докажу тебе, сволочь! – кричит она в безмолвные воды летней реки. – А, да пропади оно всё пропадом!

И она бросает бутылку в воду, смотрит секунду, а затем с лёгкостью перелезает через парапет и, обхватив железку руками, запрокидывает голову назад, улыбается, подставляя лицо тёплому воздуху, закрывает глаза, набираясь пьяной смелости.

– Не стоит, – говорю едва слышно, но для неё мой голос сравним с криком в горах, он отражается эхом, вновь и вновь повторяется в её ушах.

Девушка резко оборачивается, смотрит на меня, а затем в испуге назад.

– Возвращайся, Аня, – продолжаю говорить шёпотом, видя её нерешительность. Она ещё не осознала, что происходит. – Медленно и аккуратно, иначе свалишься.

– Да что меня здесь ждёт? – недоумение сменяется язвительной желчью. – Ничего! – кричит громко, почти в лицо.

– Я не буду повторять дважды – прыгнешь и я на следующую ночь не приду. Так и будешь прыгать, пока воды Москвы-реки не сменятся печальными водами реки Стикс, текущей по Изнанке, – говорю почти равнодушно, зная, что именно такой оттенок голоса заденет девушку больше всего.

– О чём ты говоришь? – хмурится, злится, но парাপет держит крепко – уже легче, значит призрачный хмель почти выветрился.

– Давай посмотрим, – кривлю губы в подобии улыбки, а затем достаю из кармана телефон, нахожу нужную заметку и вслух зачитываю:

В ночь на 22 июня 2014 года в водах Москвы-реки возле Андреевской набережной было обнаружено тело, принадлежащее восемнадцатилетней Анне Ивановой. Предположительно, девушка покончила с собой, будучи в состоянии алкогольного опьянения из-за ссоры с любимым человеком.

Представитель пресс-службы Следственного управления СК РФ по городу Москва: «Обстоятельства произошедшего устанавливаются. Проверяется основная версия смерти девушки – суицид»

– Тут много написано, мне дальше читать? – спрашиваю по возможности невозмутимо, догадываясь, как она отреагирует на мои слова.

– Откуда ты меня знаешь? Кто ты вообще такая? Что за бред ты тут несёшь? – закричала она с детской обидой на лице.

– Давай ты сначала вернёшься, а потом мы поговорим, – сказала тихо, как опытный танцор, ступающий по тонкому льду.

От моих дальнейших слов зависит – вернётся ли она, или всё-таки река Стикс заполучит ещё одну душу.

Я смогла её заинтересовать. Смогла добиться от неё желаемого, поэтому она быстро перемахнула обратно, держась от меня на расстоянии. Её глаза, тёмные в ночном свете, пристально смотрели на меня, не в силах оторваться. Ты ещё не знаешь, но для призраков я как мороженое, бесплатное лакомство, тёплая подушка, о которую так любят тереться щеками лежебоки. Находясь под этим влиянием, она не может бросить меня и вернуться в свой бесконечный сон, где раз за разом прыгает вниз, крича от страха, когда разум просыпается от алкогольной спячки.

– Ты умерла, Анна, – говорю терпеливо, а затем подхожу ближе. – В ночь на 22 июня ты прыгнула вниз и утонула. Сейчас пятое декабря 2014 года.

– Да что за бред? – она смеётся. – Послушайте, не знаю кто вы, но спасибо вам – я и правда могла прыгнуть! Вы мне жизнь спасли! Скажите вы что-нибудь другое и я обязательно прыгнула бы, но вы смогли подобраться ко мне, я искренне благодар... – девушка попыталась дотронуться до меня, а когда я отвела плечо, чтобы помешать сделать это, запнулась.

– Анна, посмотри на берег, – говорю негромко, кивком головы ведя в сторону Андреевской набережной.

Девушка вновь улыбается и качает головой. Я пристально всматриваюсь в её лицо, ожидая того момента, когда она всё поймёт. Взгляд медленный и спокойный стремительно теряет силу, брови хмурятся, Анна кривит губы, вновь качает головой, не веря.

Столько снега, столько холода. В воздух поднимается колючая пурга, стремящаяся уколоть, да побольнее! Всех, кто попадётся ей на пути... Белые воздушные снежинки сбиваются в клыкастые стаи, выскивающие своих жертв. От их колкости, их холодности нельзя ни спрятаться, ни убежать и как бы ты сильно не натягивал на лицо тёплый шарф, совсем немного да попадёт и в глаза, и в нос, и в рот, обожжёт, как крапивой, щёки, полоснёт по оголённому

лбу... Нет следов, но боли от этого не станет меньше. И улицы, и так пустые, обезлюдели вконец, оставив за собой лишь ровный свет от фонарей да требовательное гудение клаксонов.

Но здесь, в этом оазисе тишины и спокойствия – нет снега, он давно растаял под ногами, уступая перед безжалостной поступью запутавшегося призрака. Здесь тепло, даже жарко, так, как бывает только в конце июня накануне грозы. И при желании, при хорошем слухе, можно услышать, как бьётся река, заключённая в каменные пути тротуаров, дорог, парапетов, мостов. Я давно уже стянула с шеи шарф, сняла перчатки и расстегнула куртку, нежась от прилива нежданного тепла.

Но!

Всё меняет да так резко, что горло сводит от подступивших порывов холода. Лицо Анны превращается в ледяную маску ужаса. Её щёки бледнеют, дыхание прерывается, она жадно, испуганно шарит взглядом по бесконечному снегу, укутавшему своими белыми покрывалами зимнюю столицу. Она цепляется пальцами за парапет, теряя на мгновение равновесие, её губы шевелятся, твердя опять и опять:

– Не верю, этого не может быть!

Анна как изваяние, как серенада, посвящённая отчаянию и потере. Девушка обхватывает горло руками и развернувшись спиной к реке, медленно сползает вниз. А затем её рвёт и изо рта выплёскивается мутная речная вода, девушка заходится страшным кашлем, не может никак остановиться, слишком много воды, слишком много...

И только тогда опускаюсь к ней вниз, наматывая обратно на шею шарф, касаюсь сначала робко, а затем с силой её плеча, чтобы через секунду мощно ударить по спине, разом прекращая бесконечные спазмы. Обхватываю за плечи и поворачиваю к себе лицом.

– Эй, тебе не кажется, что на этом нужно остановиться? – говорю мягко, заглядывая в её мутные от страха глаза.

– Сколько?..

– Каждый день ты прыгаешь с этого моста чуть позже полуночи. Тонешь и воскресаете вновь. Раз за разом, ничего не помня и не осознавая, – отвечая на вопрос, убираю непослушные прядки с её мокрого от волнения лица, попутно захватывая в её воспоминаниях всю её прошлую жизнь.

И то, как она впервые увидела родителей, сказала первое слово, пошла в школу, подралась, влюбилась, разочаровалась, содрала колени, украла у подружки шоколадку, подарила своё тело любимому, выкурила первую сигарету, попробовала коньяк, поссорилась с отцом, помирилась с братом, тайком поступила на театральное, вылетела за прогулы, снова влюбилась, пробовала писать стихи, нашла работу, умерла...

Воспоминания тихой чередой, как в старом чёрно-белом кинотеатре, проносились перед глазами, принося как радость, так и боль. Видела всё, что с ней случилось, чувствовала всё, что она чувствовала. На крошечное мгновение сама стала ею. Словно душа девушки влетела ко мне в сердце вытеснив мою собственную. Это было мимолётно, но следы присутствия её души остались, как и слова, что нужно было сказать, как и тепло, объединившее нас, сблизившее, позволившее ей открыться мне.

Нет-нет, девушка не стала говорить слова: «Я так молода, мне ещё рано умирать!» Не стала просить о пощаде, не стала спрашивать, что стало с её близкими после кончины, она даже не подумала о нём. Моё присутствие избавило её от сомнений, очистило душу, подготавливая к дальнейшему. К переходу.

– Ты остановила это, не так ли? Если бы не ты, я так и прыгала бы день за днём, пока дни не закончатся, верно? Это происходит с самоубийцами? – спросила она отстранённо.

Вижу, как медленно из неё уходит чувство живости. Как неторопливо с лица сползают чувства, присущие живым. Она становится полноценным призраком, который даже и не помнит – каково это быть живым.

– Не со всеми. Просто в момент смерти ты запуталась, и перенесла эту путаницу и нерешительность через грань, – улыбаюсь сочувствующе, разделяя последние человеческие эмоции девушки.

Пурга над нами набирает злые обороты, она свистит, шумит и с силой преодолевает воздушные преграды, стремясь нарушить наше пристанище лета. Вот, моего лица касаются первые робкие лазутчики-снежинки. Пока они не смелые, в них присутствует немного остужающей ласки, как бывает в новогодний снегопад, но скоро, как Анна перейдёт, зима полностью поглотит это место, возвращая порядок в естественный ход событий.

- Как глупо, - она разочаровано смотрит на меня, готовая проронить последние слёзы, не зная ещё - призраки не умеют плакать.

- Не глупее, чем поцеловать парня лучшей подруги Ксюши, - отвечаю лукаво, ловя ответную улыбку.

- И то верно.

Чувствую - начинается. Одно моё присутствие и вот у девушки появился шанс. Не всегда бывает всё так просто, зачастую приходится изрядно попотеть, прежде чем призрак видит своё место перехода. У каждого из них это происходит по-своему. И сейчас, для Анны, знаю, что может помочь.

- Анна, послушай меня очень внимательно. У нас не так много времени, но у тебя есть уникальный шанс сделать нечто, что поможет тебе.

- О чём ты говоришь? - она говорит через силу, устало.

Её лицо - теперь лицо призрака. Мелькают очертания утопленницы, как масло скользкие, многообразные...

- Ты должна вновь прыгнуть, Анна. Это твоё искупление. Ты должна умереть осознанно, не в пьяном угаре и призрачном бреде - а по-настоящему, сделав этот шаг своим решением. Иначе ты застрянешь на Изнанке навсегда.

- Но разве это будет правильным поступком? Во всех религиях указано, что самоубийцы отправляются в ад, - почти рассеяно отвечает она, отводя взгляд в сторону окон вестибюля станции метро.

– А ты не считаешь, что уже находишься в аду? Повторяя вновь и вновь то, что совершила. Тебе просто нужно это закончить и уйти отсюда.

– Куда?

– Кто я такая, чтобы дать тебе правильный ответ на вопрос? Всего лишь живая, способная говорить с такими, как ты. Способная понимать таких, как ты. Я не посланница неведомых высших сил, не проводник, всего лишь человек. И когда выйдет мой срок годности, окажусь в твоём положении – стоящая напротив неизвестности. Разница лишь в том, что я точно знаю: если осознанно останусь, никогда уже не смогу перейти.

Она кивает головой, делает глубокий вдох и смотрит на небо.

– Нет, сейчас лето, июнь 2014 года, – говорит твёрдо, но как будто бы издалека.

Девушка поднимается на ноги и вот, последнее чудо Изнанки – зима исчезает, растворяется в далёком будущем, уступая место жаркой душной ночи, когда юная девушка прыгнула вниз. В руках Анны как из ниоткуда появляется бутылка и она с горечью смотрит на неё, прежде чем сделать последний в своей жизни глоток. Он был жадным, он был прощальным. Она выбрасывает её вниз, слышит далёкий всплеск, а затем смотрит на меня.

– Мне жаль тебя, – говорит девушка. – Жаль, что тебе приходится видеть это.

На её губах расцветает ироничная улыбка. Анна перелезает через парапет, обхватывает его руками и выгибается вперёд. Она закрывает глаза, подставляет лицо тёплом ночному ветру и отпускает руки, секунда пролетает быстро, даже не успеваю поймать мгновение, когда она исчезает, а вместе с ней и летний зной.

Зима бьёт по нервам, заставляя зажмуриться. Застёгиваю куртку, натягиваю перчатки, прячу голову под капюшоном, а затем иду в сторону стоянки, даже и не думая оглянуться – мёртвым не нужны прощания. Своё дело я сделала.

Черный день. Чёрный как смоль и такой же серый, тусклый, бесконечно усталый и седой. Смотреть через окно на выцветшие краски невыносимо противно и до бесконечности одиноко.

В руках фарфоровая чашка с холодным давно остывшим чаем, на подоконнике в полупрозрачной, отсвечивающей зеленцой, пепельнице тлеет сигарета. Тоскливо и холодно, совсем никак не удаётся собрать вместе ускользящие мысли и выйти, наконец, за порог, чтобы окунуться в противный, заунывный ветреный холод.

Я делаю глубокий вдох и закрываю глаза, пытаюсь найти немного света в душе, немного тепла и приязни, немного надежды и любви, но всё тщетно. В такие минуты самым страшным становится желание свалиться на пол, как комок беззащитной плоти, уткнуться в стену и не думать, не мечтать и не желать ничего. Стать пустым местом, секундой за секундой проживающей жизнь. О, как же хочется отказаться от всего, просто растаять, как этот снег за окном, превратиться в слякоть и грязь под ногами прохожих. Чувствую себя ненужной и бесполезной, беззащитной и грязной. Отвратительной.

Напрягаю пальцы рук и с силой ставлю чашку перед собой, наблюдая за тягостной дрожью пальцев. Это даже приятно, как если бы сделала глубокий-глубокий вдох-выдох и выпустила из себя всю накопившуюся боль.

И в этот момент раздаётся оглушительная трель, разрывающая тишину пустого дома. Закрываю вновь глаза и выжидаю. Дверной звонок вновь надывается. А затем опять и опять. Значит не ошиблись и точно пришли ко мне.

Не знаю и давно уже не спрашиваю, откуда и как они меня находят. Я не люблю работать с людьми. Слишком сложно, слишком противно, слишком мелко. Большинство и не задумывается по-настоящему о том, что происходит, они просто хотят избавиться от малейшего напоминания о собственной смертности. Они грубы, озлоблены и в ожидании подвоха, ведь мы живём в глубоко материальном мире. И при том количестве верующих, истинная вера живёт в очень редких людях.

Но те, кто находят меня, другие. Совсем иной склад ума, совсем иные чувства и беды. Зачастую не они ищут, а те, кто приходит к ним, находят меня и за собой

приводят несчастных. В этом нет радости, ведь боль столь остра, что они не могут по-другому, а мне лишь остаётся пытаться разрешить их от невыносимого бремени.

Спускаюсь по лестнице, по пути захватывая тёплую шаль и укутывая оголённые плечи. Мельком смотрю на мутное отражение в зеркалах первого этажа и замираю у входа.

Никогда не угадаешь, кто ждёт за порогом. Это может быть и старушка, сражённая страхом недавно умершего мужа, и молодая девочка, сжираемая не родившимся братом-близнецом, и мужчина с тоской в сердце, кого тащит за собой погибшая возлюбленная, словом – любой человек переживший утрату. С другими проблемами разбираются совсем другие видящие.

И вновь трель, но в этот раз с нотами отчаяния, как будто человек за дверь уже и не думает застать меня дома, и теперь считает полной глупостью, что появился неизвестно куда и неизвестно к кому.

Вот теперь можно открыть дверь. Именно сейчас самые скептические мысли покинули его, и он будет слишком растерян, чтобы сопротивляться моим знаниями и словам. Так быстрее пойму, что приключилось и быстрее решу проблему.

Щелчок замка и дверь открылась.

Марго

Этот адрес был последним. Имя, фамилия, род деятельности – медиум. Я не знала, кто эта женщина, не знала, как с ней был связан мой брат. Его подчёрк на страницах записной книжки сильно отличался от обычного, так будто бы был написан другой рукой. Это всё, что осталось у меня.

Не видел, не слышал, давно не встречались, куда он пропал? Вот, чем были заполнены остальные страницы и адреса социальных сетей. Старые и новые знакомые, бывшие девушки, друзья по работе, клиенты, телефоны справочных и многое-многое другое, но ничего по-настоящему полезного нет. Только этот

адрес выделялся и именно поэтому оставила его напоследок.

Моя надежда.

Я не смогла найти никакой информации об Элли, так словно бы её, как медиум, не существовало. Нет записей о её жизни, нет социальных страничек, подходящих к тому, чем она занималась. Не могу представить, как она выглядит, старая или молодая? Берёт деньги за работу или работает безвозмездно? Сотни вопросов, а дверной звонок такой глухой и далёкий, что его почти не слышу, отчего кажется, что ошиблась адресом и пришла не туда.

Хоть парикмахерская и называлась «У Элли», сомнения оставались тяжкими камешками в груди. Сердце гулко стучало и вот почти была готова отказаться и уйти, как дверь открылась и на пороге появилась она.

Девушка оказалась моложе, чем думала. Гораздо-гораздо моложе. Лет двадцать пять, может чуть постарше. Длинные ноги, тонкая талия с высокой грудью, спрятанной под белой майкой и толстым пледом. Пухлые нежные губы почти бесцветные на фоне белого овала лица. Она была именно такой – чёрно-белой, как старая фотография сороковых годов. Узкий прямой нос, высокие скулы, глубоко посаженные большие глаза, формой ближе к кукольным. Чёрные как смоль вьющиеся волосы, прикрывающие грудь, узкие плечи и бёдра. Девушка казалась почти больной, анемичной, с ворохом проблем и неприятностей, она походила на героиню старинных викторианских романов про заброшенные замки и призраков в белом, про несчастных слабых дам и опасных герцогов.

Но было то, что резко меняло представление о ней. Её взгляд. Прямой и холодный, негибачаемый, острый, как бритва, как хирургический скальпель, взгляд человека, привыкшего препарировать жизнь. Карие, почти чёрные глаза смотрят неотрывно, внимательно, изучая каждую чёрточку, составляя мнение обо мне. Это был опасный взгляд, однако он же внушал доверие к этой девушке. Говорил о знаниях, которых мне не хватало.

– Здравствуйте, – поздоровалась, неловко переминаясь с ноги на ногу.

– Не похоже, что вы ошиблись дверью, так что проходите, мне холодно.

Голос девушки приятно удивил. Глубокий, нежный, женственный и совсем не враждебный, как можно было ожидать.

– Спасибо, – кивнула неловко, проходя следом за ней.

Мы оказались в самом настоящем парикмахерском салоне. Справа стойка регистрации, прямо несколько стульев напротив зеркал, в отдалении за небольшой цветной ширмой скрывались раковины для мытья волос. Когда-то здесь было весьма неплохо, однако сейчас сразу становилось ясно – здесь давно уже никого не стригут. Толстые клочья пыли, заляпанные грязью зеркала, старые пожухлые журналы. Удивительно, что хозяйка этого места просто не вынесет всё отсюда и не превратит этаж в жилое помещение. Это было так странно, что я невольно чихнула. Аллергия на пыль.

– Идёмте, – резко сказала она, заметив мой взгляд. – Нам на второй этаж. И сейчас лучше соберитесь с мыслями, нет нужды рассказывать всё подряд.

– Да-да, – засуетилась, следуя за ней. – По правде сказать, я только хотела...

– Неважно, – оборвала она. – Не думаю, что вы случайно сюда попали. Скорее всего вас сюда привели.

– Что? – от удивления остановилась, а когда девушка не соизволила ответить или замедлить шаг, поспешила за ней, резво поднимаясь по ступенькам.

Мы минули небольшой пролёт и оказались перед чуть приоткрытой дверью, за которой скрывалась уютная жилая гостиная со всеми атрибутами быта – разбросанные вещи, какие-то книги на журнальном столике перед небольшим телевизором. Салфетки, бумажки. Здесь явно жили, отчего вновь задумалась, к кому я попала. Разве может в подобном месте работать медиум? Нет ничего, что говорило бы о духах или оккультных науках.

Рядом с дверью обнаружилась небольшая гардеробная, где я переобулась в гостевые тапочки и оставила верхнюю одежду. Девушка тем временем скрылась за поворотом, откуда громко спросила:

– Чай, кофе, воды?

– Если можно, то чай, – ответила, проходя в кухню.

Светло и просторно. На секунду ощутила явный укол зависти. Такие просторные кухни встречала очень и очень давно. Теперь довольствуюсь маленькой кухонькой вагонного типа на втором этаже рядом с трамвайным депо. Нет, я не жалуясь, ко всему можно привыкнуть, просто слишком неожиданно. Так бывает, когда морально готовишься, что и на порог не пустят, а в результате сидишь за кухонным столом, пьёшь вкусный травяной чай, а перед тобой вазочка с конфетами. А напротив сидит девушка, задумчиво водящая пальцем по кромке чашки и ждущая, с чем же я к ней пришла.

– У меня пропал брат.

Вот просто выложила случившееся, отчего вымученно улыбнулась.

– Понимаете...

– Можно на ты, – мягко поправила она, однако взгляд стал более серьёзным.

– Мой брат... ох, наверное, нужно начать с самого начала... – хоть она и просила подготовиться, однако не получалось так просто высказать всё, что случилось по порядку, мысли цеплялись то к одному, то к другому, сложно понять, что важнее.

– Мой брат видит призраков, – замерла, ожидая насмешек или неприязни, не получив ни того, ни другого, облегчённо выдохнула, улыбнулась, продолжила. – Так было с детства. Он не просто видел их, он помогал умершим перейти. Мы всегда были близки, поэтому никогда не верила словам родителей, что мой брат всё выдумывает. Вместе мы нашли способ скрывать правду от родителей, мы оба понимали, что если не будем этого делать, то рано или поздно ему могут навредить, – я нервно сглотнула, сделала глубокий глоток. – В семнадцать мы ушли из дома. Уехали из северной столицы и поступили в вузы Москвы. Мой брат пошёл учиться на психолога в МГУ, я выбрала экономическое... Суть в том, что Максим до сих пор помогает духам. После окончания института, он полностью сосредоточился на этом. Но... он не всегда помогает именно призракам, ведь чаще всего к нему обращаются люди, у которых нет проблем с миром мёртвых, – невольно замялась, стушевалась под строгим взглядом Элли.

– Твой брат мошенник..?

– Марго, меня зовут Маргарита, – ответила, правильно поняв паузу. – Нет, он не такой. Максим говорит, что иногда люди, пережившие утрату, нуждаются именно в такой помощи. И пусть им попадётся человек с дипломом, чем настоящий мошенник. Он помогает им таким способом.

– Продолжай, – кивнула она.

Это тяжело – по-настоящему собраться с мыслями. Они путаются, цепляются друг за другом, ускользают между пальцев или же наоборот наскокивают на тебя с разбегу, все и сразу, отчего полная каша и не знаешь, что сказать, чтобы звучало складно, чтобы звучало действительно реально и не лишённым смысла.

На подоконник вскочила, взявшаяся из ниоткуда, кошка, она требовательно мяукнула и дождавшись скупой ласки со стороны хозяйки, развалилась, сощурив глаза, наблюдая за мной, как за посторонней. И стало легче. Не знаю почему, но слова полились как горный поток легко и уверенно.

– Мы были очень близки. Это правда. Но это было очень давно. Пока его не отправили в школу для мальчиков, а меня в школу для девочек. Нас разлучили, потому что нашему деду не нравилось, что мы были слишком близки. Наши родители ничего не сделали, чтобы этому помешать и возможно в этом всё и дело, – я допила чай, криво улыбнулась и продолжила:

– Безволие отца и большие ожидания деда сделали моего брата сильным, но в то же время слабым. Ему нужен был авторитетный наставник, который поможет разобраться в том, что с ним происходит. Я на эту роль, естественно, не годилась. Он справлялся, много читал, изучал легенды, мифы, пытался найти сторонников, людей похожих на него, но ничего не получалось. По крайней мере, я так думала.

– Он кого-то нашёл? – спросила Элли, разливая очередную порцию теперь уже достаточно горького чая.

– Это началось чуть больше года назад. Брат только-только стал магистром и собирался продолжить обучение. У него было столько планов и мы постоянно были на связи. Часто встречались, гуляли, мы были семьёй, а потом... даже не

знаю, как сказать, но он словно исчез. Прогулки короче, звонки реже, общение почти на нуле. Дошло до того, что я писала ему в сеть, потому что на звонки он не отвечал. А потом он просто пропал. Тогда осознала, что происходит что-то совсем не то. Он очень изменился за прошедший год. Изменились его взгляды, то, как он говорил и двигался. Его отношение к окружающему миру стало чуждым, не таким, как было раньше. Когда он перестал выходить в сеть, поехала к нему в общежитие, где узнала, что его собираются выселять, потому что брат перестал появляться в институте, прекратил вести лекции, просто исчез! За прошедшие два месяца от него не было ни слуху, ни духу. В его комнате образцовый порядок, но сама комната как не жилая! Зная его характер, смогла найти тайник, а в нём вот это, – потеребив замок на сумке, вытащила толстую записную книгу с обложкой из искусственной кожи. – Он всегда вёл записи. Писал о призраках, которым смог помочь. Записывал свои мысли и чувства.

– Что там было? – спросила Элли внимательно.

– У него появился друг. Наставник, который очень много знал о призрачном мире. Этот человек изменил брата. Заразил странными идеями о том, что наш мир должен принадлежать духам, что призраки не заслуживают своей участи. Там очень много идей, и брат следовал им. Последняя запись была сделана неделю назад, в ней было очень много написано об Изнанке.

– Ты знаешь об этом месте? – удивилась она, неотрывно глядя на дневник брата.

– Немного, Максим говорил, что это место, где обитают призраки. Какая-то ловушка для них, он не говорил подробно. Сказал, что узнал об этом от призрака.

– И да, и нет, – покачала головой Элли. – Там написано имя этого учителя?

– Да, – кивнула, открывая книжку на заложенной странице. – Его имя – Чёрный человек.

Элли свистяще выдохнула, ненавистью обожгла обнажённые страницы книги.

– Его зовут Клаус. Чёрный человек – это не прозвище, а титул, – сухо ответила она, откидываясь обратно в кресло и закрывая глаза. Девушка помассировала

виски и сделала глубокий вдох.

– Что ты хочешь этим сказать? – внутренне напряглась, понимая, что не хочу слышать то, что она скажет.

– Твой брат у Чёрного человека, призрака. Ты не найдёшь его самостоятельно. Тебе действительно нужна моя помощь.

Элли встала со стула, достала из пачки сигарету и закурила.

– Вот как мы поступим. Оставь дневник, мне нужно понять, с чем конкретно имею дело. Если права, то твой брат жив, но в опасности, если нет, то он уже мёртв. Вот такие варианты.

– Я не понимаю...

– Езжай домой, Марго, и хорошенько выспись этой ночью. Завтра мы пойдём к одной моей знакомой, которая скажет точно, что случилось с твоим братом. Сейчас ты только изводишь себя. Тебе нужен отдых.

Я смотрела на то, как Элли двигается по кухне. Нервно кусает губы, жадно затягивается сигаретой и думает, думает, поминутно глядя на дневник. Мне это не нравилось. Очень не нравилось, но я ничего не могла сказать или сделать.

Вдруг чётко поняла, что девушка передо мной – единственная, кто может помочь. И стало легче.

Элли

Всё повторяется. Вновь и вновь, по этому порочному кругу. Воспоминания перемешиваются и каждая новая прочитанная страница как откровение, как *deja vu*.

Меня так же обманывали. Теми же словами и посланиями, теми же открытиями и чувствами. Он попал в такую же ловушку, как когда-то и я. Ещё одна жертва этих безумцев, этих дьяволов, жертв собственных ошибок и порочных мыслей.

Первые страницы просты и незатейливы. Максим помогал и живым, и мёртвым, на удивление, неопытный мальчик неплохо справлялся со своими обязанностями. Он гордился тем, что делает и, как и многие молодые медиумы, задавался вопросами, зачем и почему. Красной нитью через весь дневник шли его надежды о встрече с кем-то вроде него. Ему было недостаточно Марго, он нуждался в Наставнике, в том, кто поможет лучше понять мир, в котором он живёт. Не зная истинной сущности Изнанки, парень не понимал, как всё устроено и эта ущербность сильно тяготила его, из-за чего встреча с особенным призраком оказалась роковой.

Он был такой же, как и я. Потерянный и бескрайно одинокий. Это привело его к Клаусу, также, как когда-то я досталась своему Учителю. Мы шли одинаковой дорогой, разве только я познакомилась с Михаэлем, когда мне было около одиннадцати лет, а он встретил Чёрного человека значительно позже. Но это не помешало ему увлечься своим новым другом с той же силой, что и я когда-то. Максим боготворил Клауса, но в их отношениях не было тепла, парень воздвиг пьедестал для своего наставника и не хотел пересекать черту.

Последние страницы явно указывали, что обучение подходило к концу. Я так и не смогла понять истинную природу интереса Клауса к Максиму, кроме как навязать ему свои мысли и взгляды. По сути, я мало что подчерпнула из дневника, пожалуй, только несколько предложений заставили меня насторожиться – Максим писал о сестре:

«...Иногда не понимаю, почему она такая. Почему не видит того, что вижу я? В детстве всё было наоборот. Она видела, а я нет. Я так завидовал ей, что стал притворяться, что тоже вижу. А потом всё изменилось и она стала притворяться, что не видит их. А я действительно стал видеть. Мы поменялись местами или же она придумывала, а я подхватил её фантазии и пробудил свой дар? Медиум не может потерять свой дар и если бы он у неё был – она была бы рядом со мной...»

«...Я всё время порываюсь рассказать ей о Чёрном человеке. Это желание нестерпимо сильное, но Учитель запрещает рассказывать о нём и тому есть объективные причины, например, Институт ублюдков. Те ещё твари. После всего, что узнал о них, желание взорвать это здание ко всем чертям становится непреодолимым. Но и тут Учитель нашёл, чем успокоить: «Их время ещё придёт.» Жду с нетерпением! Жаль, что сестре нельзя рассказывать... Она бы поняла мои чувства. После всего, что они сделали с призраками, они

заслуживают смерти. Я так хочу поделиться всем с ней...»

«...Скоро всё решится. Чёрный человек говорит, что ждать осталось недолго, а значит скоро придёт время рассказать всё Марго. Как же нелегко скрывать такие вещи. Я так отдалился от неё, но мне тяжело говорить о пустяках, когда происходит такое... Ничего, она всё поймёт. Мы слишком близки, а значит она пойдёт за мной, когда настанет срок. Учитель говорит, что для неё не всё потеряно. Он считает, в ней есть нечто особенное, что неудивительно, ведь мы...»

На это запись обрывалась, но смутные догадки закрадывались в душу, как въедливые червяки. Кто они? Какие могут быть варианты? Самый верный и очевидный – близнецы. А если так, то слова Клауса небезосновательны. Как и привязанность брата к сестре. Плохо, что она похоже не понимает, что уготовил братец. Бедная девочка, ей придётся несладко, если мы не решим эту проблему.

Мысли, как мушки, летают перед глазами. На часах – третий час ночи, время позднее. Кошка давно спит, её ласковое посапывание доносится со шкафа, куда давным-давно перетащила подстилку, убедившись, что среди предков Чернышки, были и обезьянки. Потянувшись, отставила дневник в сторону и выбралась из кресла, попутно подхватив задетую локтем пепельницу. Вовремя, иначе пришлось бы идти за тряпкой. Глаза нещадно болели, поэтому сбросила с себя одежду и забралась под контрастный душ, чтобы освежиться. Дышать стало легче. Прислонившись к стенке, запрокинула голову, подставляя лицо едва тёплым струям воды. Вот так хорошо. Мне этого не хватало.

– Михаэль! А бывают плохие призраки? Ну, те, что причиняют вред, как в фильмах?

Девочка сосредоточена, она смотрит в пустоту не мигая, словно бы что-то или кого-то видит перед собой.

Комната залита солнечным светом, отчего в воздухе виден танец миллионов бесцветных пылинок, превращающих уютную гостиную в нечто сказочное и волшебное. Тёплый жёлтый цвет пробуждает рыжий блеск в волосах маленькой серьёзной девчушки в простом сером платье. Перед ней, на стене, висит

картинка с сельским видом, с небольшой часовенкой в окружении невысоких берёзок на фоне лазурного неба. Со стороны, по началу кажется, что она разглядывает этот незамысловатый пейзаж, но чем больше смотришь, тем больше понимаешь – она смотрит в пустоту, видя что-то, недоступное простому смертному.

– Я сегодня встретила странного призрака, – нахмурившись, сказала она. – Он выглядел каким-то грязным и неухоженным. Кажется, он чем-то был болен, прежде чем умер. Когда мужчина понял, что я вижу его, то попытался схватить за руку. Я сделала как ты сказал – закрыла глаза и стала считать до десяти, но, когда открыла, он стоял прямо перед моим лицом! – в голосе девочки послышался страх. – Тогда я не выдержала и убежала. Он следовал за мной до спуска в метро, а затем отстал. Он придёт сюда? Почему он был таким злым?

Она замолчала, как будто бы и правда разговаривала с невидимым собеседником. Закусив губу, упрямо мотнула головой, а затем нехотя кивнула.

– Да, я успела считать его. Но он был таким мутным, что мазнула лишь по поверхности. Не думаю, что этого будет достаточно, – сказала она. – Но почему он злой? Ведь я ему могу помочь, зачем он так поступил?

Ответ ошеломил девочку, она вновь нахмурилась, переваривая услышанное и вновь прикусив губу.

– Да кто придумал все эти правила? – возмутилась она. – Что за скотство?! Он же не виноват в том, что случилось! Я успела это понять, за что так с ним? Ведь не факт, что я смогу его вновь найти!

Новый ответ лишь сильнее разозлил её, однако запал быстро иссяк, видимо у собеседника было что сказать.

– Понимаю, – кивнула она. – Теперь понимаю. Но ведь ты не стал таким, хотя как призрак ты существуешь гораздо дольше.

– Да, конечно, – девочка смутилась, а затем обернулась в сторону входной двери. – Отец скоро вернётся, мне нужно делать уроки.

– Обязательно помогу, это же мои обязанности, – с лёгкой улыбкой, сказала она пустоте. – До скорой встречи, Белый человек!

Глава 3

Марго

Чёрный цвет с детства вызывал во мне отвращение, с тех пор, как меня и Максима заставили пойти на похороны бабушки. Я мало, что помню, кроме бесчисленных противных родственников и их фальшивых сочувствий и причитаний. Бабку никто не любил, но все любили деньги. А их у деда много. Очень много. Поэтому похороны были пышными и многолюдными. А мне пришлось надеть кружевное чёрное платье со шляпкой, прикрывающей лицо сетчатой вуалью. Мерзость, как вспомню, сразу становится противно. Теперь чёрный цвет вызывает неприязнь, но сегодня решила поступиться своими принципами и одеться во всё чёрное, немаркое, как и просила Элли. Не знаю, куда пойдём, но видимо это будет не центр столицы.

Сегодня ночью плохо спала. Мучили сны о брате. Мне постоянно казалось, что он попал в беду, что он зовёт меня. Просит прийти за ним и спасти. Мы близнецы, может так проявляется наша связь? Ведь он действительно в беде, может...

За спиной раздаётся стук колёс от очередного выезжающего из депо трамвая. В квартире никого, только тикают старые часы в коридоре, да солнце неторопливо подбирается к входной двери, широкой полосой скользя по полу, демонстрируя пятна и грязные разводы тряпки от совершённой наспех уборки. Сегодня моя очередь, но желания нет. Девчонки будут злиться, но об этом подумаю в другой раз. Как и о прогулах, и том, что деньги кончаются. Наверное, придётся звонить матери, выслушивать её стенания и сожаления, а потом просить выслать немного денег. Не хотелось бы, но сейчас та ситуация, когда ни на что другое нет ни времени, ни сил. Негромко застонав, подошла к зеркалу и посмотрела на отражение.

Белое, застывшее лицо, обрамлённое длинными рыжими волосами. Россыпь веснушек на щеках и курносом носе, бледные полные губы, синяки под глазами, следы морщин на лбу от того, что часто хмурилась. Усталая, не выспавшаяся,

вымотавшаяся. Руки сами потянулись к косметичке. Здесь штрих, здесь росчерк и вот, глаза засияли прежней голубизной, губы наполнились цветом, а синяки сошли на нет. Так мало надо, чтобы вновь хорошо выглядеть. Жаль, что также просто не могу решить все проблемы.

Накинув зимнее пальто и подхватив сумочку, вышла из дома, направляясь в метро.

Меня терзало волнение и дурные предчувствия. Словно бы уже попрощалась с братом, готовая услышать безнадежное: «Он мёртв». Вспоминая слова на страницах дневника, становилось дурно, ведь там он открывал свою душу, рассказывая о своих чувствах истинно, без прикрас. А я влезла, натоптала, да ещё позволила чужому человеку прочитать о сокровенном. Какой я после этого человек?

Всё перекрывала простая истина. Если брат мёртв, то это означает, что я осталась один на один со своей семьёй. Когда они узнают, что случилось, боже, мне даже представить тяжело, что они сделают. Никто из них не знает, чем на самом деле он занимался. Как же хорошо, что они находятся в другом городе и редко приезжают в Москву. Как же хорошо, что они не могут нас контролировать. Но боюсь, скоро всё изменится. Ведь предчувствия меня редко обманывают.

Элли разговаривала с незнакомкой неподалёку от выхода из метро. Она была необычайно серьёзна и даже мрачна. Одетая не по погоде легко, девушка обмотала шею длинным-длинным тёмно-серым шарфом, почти касающимся покрытого ледяной изморозью асфальта. Она спрятала руки в карманы, прислонившись к каменной стене, согнув правую ногу для равновесия. Тяжело выдохнув, она кивнула незнакомке, после чего они пожали руки. До меня донеслись последние слова:

– Скоро увидимся, я слов на ветер не бросаю, – сказала Элли, после чего незнакомка быстрым шагом ушла в противоположную сторону и скрылась за углом.

Всё, что запомнила – длинные зелёные волосы, скрывающиеся под вязаной шапочкой, шарф в крупную рыжую полоску, туго обмотавший горло, перчатки ему под тон, виднеющиеся под потёртым серым пуховиком да высокие военные ботинки.

– Кто это был? – поинтересовалась после того, как поздоровалась.

Элли криво улыбнулась, как-то странно посмотрела, после чего всё-таки ответила, пусть и не сразу.

– Клиентка. Мы договорились, что я решу её проблему, – скупно ответила она. – Идём, время не ждёт.

– У неё проблема с призраком? – с интересом спрашиваю, следуя за Элли.

Сегодня по морозному свежо. Лёгкий ветер приятно холодил кожу, а яркое сочно-синее небо с блестящим солнечным диском в центре настраивал на лёгкий лад. Сложно представить, что в такую ясную погоду может случиться беда. Единственное неизменное – люди. Никто из них не смотрел вверх, никто не дышал полной грудью, не наслаждался приятной погодой. Все куда-то спешили, торопились, хмурились или же просто скорбели так, будто бы у них кто-то умер. Такие люди живут в крупных городах. Стеснительные в проявлениях эмоций. Они словно боятся показать, что умеют радоваться, будто бы счастье запрещено. Будто бы улыбка – это нарушение закона. Пихающие, толкающие, воняющие, да просто противные, словно бы поставившие себе цель – испортить жизнь другим, вот какие люди. А чуть копнёшь, так и вовсе, как будто бы и не люди. Как будто бы простые животные, одержимые естественными для животных желаниями – есть, пить, размножаться. Такие мысли навевали отвращение и злость.

Мы с братом часто обсуждали горожан. Он смеялся, говорил, что после смерти до многих доходит, что они делали что-то не так, да в большинстве случаев поздно что-либо менять. Он говорил, что чем легче человек жил, тем проще ему после смерти. Максим имел ввиду, что люди должны дышать и жить полной грудью. Что чем больше они тянут обязательства на своих плечах, тем ниже пригибаются к земле, тем сложнее после смерти от неё оторваться. Нельзя тащить на себе весь мир – надорвёшься.

- Ну да, - немного рассеяно ответила она. - Здесь направо.

Мы свернули в переулок и как будто оказались в другом мире. Особенность крупных городов - умение прятать тишину рядом с шумными проспектами. Скрытая высокими массивными зданиями тишь расцвела пышностью и спокойствием. Редкие пешеходы сновали мимо по асфальтированным дорожкам, голуби клевали несуществующие крошки, а солнце, сокрытое где-то в вышине, освещало арку, образующую проход прямо в доме, закрытую железными ставнями, в которых была вырезана небольшая, открытая нараспашку, дверца. За ней скрывался двор с маленькой детской площадкой, к которой не подобраться из-за снега, а вокруг всё заставлено машинами, покрытыми толстым слоем снега.

Элли уверено свернула влево, ведя к очередному подъезду. Перед входом остановилась и достала сигареты из сумочки.

- Не против? Катерина всегда ворчит, когда я курю.

- Пожалуйста, - кивнула, махнув рукой, пряча озябшие пальцы в карманы.

- Прежде всего должна объяснить тебе, куда мы пришли, - закуривая, медленно заговорила она. - Катерина экстрасенс. Хотя... ну ладно, это слово подходит лучше всего. Она ищейка и иногда провидец. Может заглянуть за грань, предсказать будущее, иногда выступает как детектор лжи, - затаившись, девушка продолжила. - Не удивляйся, если она скажет что-то, что можешь знать только ты. И вообще постарайся поменьше удивляться, Катя весьма своеобразна, хоть по виду и не скажешь. Она поможет понять нам, где твой брат.

- Это замечательно, - воскликнула, моментально воодушевившись. - То, что надо, спасибо, Элли!

- Рано радуешься, - помрачнела она, тяжело глядя прямо в глаза. - Я изучила дневник и, судя по всему, твой брат серьёзно влип. Так что не думай, что всё так просто. Как я говорила - тебе стоит готовиться к худшему.

- Ты о чём?

– Помнишь последние записи? Он хотел что-то рассказать тебе. Он хотел, что ты стала частью его... делишек. А учитывая, что они связаны с Чёрным человеком, не думаю, что он прежде спросит тебя, хочешь ли ты этого.

– Я не понимаю.

Элли говорила весьма странные вещи, от чего не переставала хмуриться. Вспоминая слова Максима, и правда испытывала уколы тревоги, но не думаю, что всё так страшно. Он мой брат, он не причинит мне вреда.

– Не будем забегать вперёд, – она покачала головой, а затем выбросила бычок в мусорное ведро. – Не стоит пугать тебя раньше времени, Марго. Пусть это сделает Катерина.

У экстрасенса оказалось на удивление мило. И опять отсутствовал соответствующий антураж, отчего стала больше раздражаться на свои ожидания. Квартира светлая и по-домашнему обжитая. Клетчатые занавески в кухне, в коридоре каштанового цвета ламинат, гостевые тапочки у входа, в гостиной круглый обеденный стол, накрытый кружевной скатертью, плазменный телевизор, включённый компьютер с кошачьей заставкой на письменном столе. Под ногами мягкий пушистый ковёр, на стенах фотографии горных ландшафтов. Всё в тёплых, коричневых оттенках, от обоев с незамысловатым золотым узором, до плюшевой мебели с небольшими потёртостями и царапинами от присутствующей в доме персидской кошки.

И хозяйка квартиры под стать. Огромный безразмерный белый мягкий свитер со светлыми синими леггинсами, белые тапочки, на запястьях несколько тонких серебряных браслетов, в ушах длинные серёжки, звенящие на ходу. Катерина обладала внушительной женственной красотой. Признаться честно, ожидала увидеть молодую девушку наподобие Элли, однако встретила женщину в возрасте за сорок. Крупная налитая грудь, широкие бёдра, миловидное, дышащее здоровьем лицо. Круглые щёки, улыбка вишнёвых губ, шикарные ресницы усиливающие голубой цвет раскосых глаз. Длинные каштановые волосы, убранные в тугую косу, прямые ухоженные брови, вздёрнутый нос, уверенность во взоре. Эта женщина меньше всего походила на человека,

общающегося с духами. Она слишком полна жизнью. Слишком яркая. Катерина скорее выглядела как обладательница большой семьи и огромным списком домашних обязанностей, приносящих ей искреннее удовольствие, чем экстрасенс, призывающий мёртвых или ищущий пропавших без вести.

Такой дисбаланс ошеломил, поэтому здоровалась, раздевалась, переобувалась скорее на автомате, не решаясь сказать что-то лишнее, в то время, как Элли общалась с Катериной, как со старой подругой.

– Давно ты не навещала меня, родная, – притворно обижаясь, сказала Катя, пропуская нас на кухню. – Марг, ты будешь чай или кофе, или может сразу что покрепче? – спросила, подходя к кухонным шкафам и доставая чашки. – погоди, не отвечай. Будешь кофе, три ложки сахара, без молока. А ты Элли, с нашим любимым ликёром, как и я.

– Как вы меня назвали? – не ожидая такой словоохотливости, не сразу поняла, что она назвала меня так, как называл брат.

– А? – она как будто бы ничего не поняла, продолжая заниматься приготовлением напитков, а затем резко развернулась и уставилась на Элли внезапно холодным, пронизывающим взглядом. – А ты ещё больше погрузилась во тьму. Она ледяная, колючая, злая, тянет тебя за собой на дно, убивая и свет, и тепло. А ты позволяешь. Дозволяешь, разрешаешь, как будто бы не за что зацепиться и всё самое дорогое ушло за грань. Дура ты, Элли, но ты и сама это знаешь.

Вновь переключившись, как ни в чём не бывало взяла чашки, расставляя их перед нами.

– Я не хочу это обсуждать, – совершенно спокойно сказала Элли. – Ты мне ничем не поможешь. Да и помогать тут не с чем. Я пришла сюда не за этим.

– Бедный мальчик, – женщина цокнула языком и помотала головой. – Почти как ты, неправда ли? Запутался, перепутался, влез не в своё дело. Как все мальчишки и девчонки. Ну да ладно, не всем удаётся взлететь так высоко, как ты.

– Ты о чём? – кажется и Элли не совсем была готова к такому, отчего внутренне немного расслабилась.

– Неважно, что будет, что было. Всё случится так, как и должно быть, – мягко сказала Катерина, нежно коснувшись щеки Элли. – Просто не бери в голову, а пей кофе. Он вкусный, как и всегда.

– Загадочна и непонятна, – рассмеялась девушка, делая небольшой глоток, а затем с удовольствием облизнула губы. – И как всегда права.

– Ладно, мы собрались здесь ради Маргариты. Девочка, что ты хочешь узнать? – лучезарно улыбаясь, развернувшись ко мне лицом, спросила Катерина. – Ну же, не робей!

За поддержкой обернулась к Элли, но та только кивнула, поэтому осторожно сказала:

– Мой брат пропал. Я хочу узнать, где он.

– Вы близнецы? – глядя остро, спросил она. – Вижу, что да. Как интересно! – она всплеснула руками, а затем неожиданно резко схватила меня за запястье. – Вы оба видите?

– Я не медиум!

Она отпустила меня так же быстро, как и схватила, но на запястье наверняка проступят синяки. Чем больше здесь находилась, тем неудобнее чувствовала себя. Мне начинало казаться, что эта женщина не вполне здорова. Что её дар как-то повредил ей, спутал её мысли.

– Со мной всё в порядке, – сказала она, как будто бы прочитала мои мысли. – Не стоит думать так громко. А то, что ты не медиум, уже вижу. Интересно. Обычно у близнецов дар разбит поровну. В старину даже бытовала легенда, что, объединив силы, близнецы способны отправить кого угодно через дверь. Это, конечно, небылицы, но чертовски интересные, не находишь? И многое объясняет.

– Думаешь, поэтому Клаус так заинтересовался Максимом, что взял его в ученики? – влезла Элли. – Не думаю, что всё так просто.

– Разумеется, нет, – фыркнула экстрасенс, делая глоток кофе. – Когда с ними было всё просто? Нет, если только один Максим видит, то получается здесь что-то иное. Может он просто очень сильный? Кто его знает. Нам же лучше, раз они близнецы, значит и найти будет пропащего проще.

– Вы сможете его найти? – взволнованно воскликнула, отставляя чашку в сторону. – Мне нужно было что-то с собой взять? Что-то из его вещей, да?

– Зачем? – удивилась она. – У нас есть ты. И дневник. Всё самое важное. Ладно, заканчиваем «кофейничать», пора браться за дело.

Мы подошли к самому сложному вопросу. Я знала, что экстрасенсы берут деньги за свои услуги, так же, как и медиумы. А денег у меня не было. Вчера не успела обсудить этот вопрос с Элли, сегодня же просто не знала, как заговорить об этом.

– О, не волнуйся, – убирая чашки в раковину, сказала Катерина. – Я зарабатываю иначе. В наше время настоящие экстрасенсы не получают деньги прямыми услугами, за этим есть кому следить, поэтому пользуемся обходными путями. Я вот даю экономические и политические консультации, очень удобно и выгодно. Даже ВУЗ соответствующий когда-то закончила.

– Ох, – залилась краской, стараясь не смотреть на Элли.

Катерина стояла спиной и мне не видно было её лица, но что-то подсказывало – она улыбается.

– Прости, иначе не могу. Некоторые люди очень громко думают, а я не в настроении экранироваться. Да и делу может помешать, так что терпи и думай о брате. Так будет лучше всего.

Мы вернулись в гостиную. Катерина закрыла окна светофильтрами и задёрнула шторы, создавая на удивление плотную темноту. Затем достала небольшую лампу в форме красного шара и водрузила её в центр стола, приглашая

расположиться по обе стороны от неё.

– Берёмся за руки, девочки. Сейчас будем смотреть, куда это твой брат забрёл, – с неунывающим оптимизмом воскликнула она, цепко хватая меня за ладонь.

Элли оставалась на удивление спокойной и сосредоточенной. Казалось, она находится где-то не здесь, будучи полностью погружённой в свои мысли. Внезапно мне стало холодно и неудобно. Отблески лампы на стенах образовывали причудливые узоры, мне почудилось, что шторы колыхает невидимый ветер, а откуда-то потянуло могильным холодом. Передёрнув плечами, попыталась выглядеть расслабленной и уверенной, как Элли, но получалось плохо. Всё тянуло куда-то бежать, что-то делать, как будто бы вернулась в первые дни, когда поняла, что брат пропал. Тревога нарастала, как и улыбка Катерины.

– Хватит, Кать, – негромко проговорила Элли. – Это было ни к чему.

– Зато теперь она в нужном настроении.

И всё сразу прекратилось. Комната, до этого момента наполненная неясными тревогами и подозрительными звуками, стихла, превратившись в самую обычную гостиную. Внезапно на стол вскочила кошка, замурлыкала, подходя к хозяйке, тыкаясь ей в лицо.

– Фифа, ты как раз вовремя! – воодушевилась Катерина. – Хорошо, что она сама пришла, значит в подходящем настроении. Приступим.

Даже опомниться не успела, как женщина сильнее схватила за руку, закрывая глаза. Сидя друг напротив друга, сжимая ладони, образовывали круг, в центре которого сидела кошка, внимательно рассматривающая хозяйку. Элли, как Катерина, закрыла глаза, поэтому последовала их примеру.

Мне хотелось, чтобы всё было глупым. Не знаю, откуда появилось такое желание, но оно не соответствовало действительности. После странного холода, чувствовала себя крайне неудобно, так, будто бы зашла в комнату, полную людей, а они замолчали и уставились на меня немигающим взглядом. С закрытыми глазами это чувство усилилось, вновь послышался нестройный шёпот, окружающий, заполняющий пространство. Силилась расслышать хоть что-

нибудь, но только ветер шумел в ушах, да Катерина сжимает ладонь всё сильнее, перекрывая поток крови, до боли, до пронзительного биения сердца.

Так продолжалось довольно долго. На меня накатило странное оцепенение, не могла ни пошевелиться, ни вздохнуть полной грудью. Постепенно в голове всё сильнее проступал образ брата. Он появился словно из ниоткуда, но был такой яркий, как наяву. Максим что-то говорил мне, улыбался, смотрел с прищуром, а затем покачал головой и рассмеялся. Это видение расслабило, внушило мысль, что с ним всё в порядке, что он жив. Мне захотелось что-то сказать в ответ, и я видела, как он напрягся, подался вперёд, чтобы услышать меня, но тут послышалось вполне реальное шипение кошки. Она зарычала, но не смогла прорваться сквозь пелену оцепенения. Меня тянуло к брату, тащила на аркане непонятная сила, которая отчаянно стремилась дать возможность сказать что-то ему. Всё реальное становится нереальным. Я покидаю своё тело, устремляясь куда-то в неизвестность. Улыбка брата становится всё шире и шире, превращаясь в зловещий оскал.

– Марг, – доносится до меня его шёпот и я тянусь к нему, открываю рот, чтобы позвать, но... звонкая пощёчина резко выдёргивает из ниоткуда. В панике открываю глаза и напарываюсь взгляд на злую Катерину.

– Тебя в детстве не учили, что на сеансах работает только экстрасенс, а все остальные молчат в тряпочку? – грубо вопрошает девушка. – Ты зачем полезла туда, куда не знаешь?

– Простите, – щека горела огнём, на глаза набежали слёзы. – Я...

– Отстань от ней, Кать, – устало сказала Элли, всё ещё сидящая за столом. Девушка держала руки перед собой, сложив их в замок и неотрывно смотрела на узорчатую скатерть стола. – Не видишь, она сама не знает, что сделала. Кто же знал, что она и на такое способна.

– Вы... о чём? – спросила, мгновенно насторожившись. – Способна на что? Что всё это было?

– Позже поговорим, – оборвала Катерина. – Знаешь, у меня на кухне есть бутылка коньяка в ящике возле плиты, достань её и налей себе пару стопок. А мы пока поговорим наедине.

Я поджала губы, чувствуя себя отвратно. Не знаю, что такого сделала, не знаю, что всё это было, но мне заранее не нравился итог. Не нравилось, что меня вот так выставляют. Видение никак не хотело отпустить. Перед глазами всё ещё виднелось лицо брата, окружённое непроглядной тьмой. Он был так близко и так бесконечно далеко...

Выйдя из комнаты, плотно закрыла за собой дверь и направилась на кухню. У меня не было желания подслушивать, о чём они будут говорить. Всё, что поняла, так это то, что со мной не всё в порядке. Я что-то сделала, чего не могла никак. Это пугало до чёртиков, до той самой пары стопок коньяка.

Элли

– Значит всё-таки медиум? – тихо сказала Катерина, возвращаясь обратно за стол. – Почему раньше не сказала? Зачем было так рисковать?

– Не была уверена, – отвечаю, пожав плечами. – Она видела призрака, но только потому, что та заговорила со мной. Это могло быть эхо дара брата. А так даже интереснее вышло, чем я думала.

– А о ней ты подумала? – раздражённо бросила та, качая головой. – Элли, ты иногда ведёшь себя, как они. Отказываешься чувствовать, предпочитая наблюдать. Такой образ жизни и ведёт тебя во тьму.

– Это не новость для меня, – фыркнула, с прищуром глядя на усталую женщину. – Лучше скажи, я была права? Он и правда на той стороне?

– А где же ещё ему быть? – усмехнулась Катерина. – Став учеником Чёрного человека, он и не мог оказаться в ином месте, кроме как на Изнанке. Хорошо, что живой. Значит не всё ещё потеряно.

– А ведь действительно интересно получилось, – сказала улыбаясь, проведя языком по нижнему краю верхней губы. – Клаус ошибся, выбрал не того близнеца. Как думаешь, он уже понял это?

– Не знаю, но если нет, то скоро поймёт. И придёт за ней, а она побежит за братом, в этом сомнений нет.

На стол вскочила, убежавшая по окончании сеанса, кошка. Она отряхнулась, негромко мяукнула, требуя хозяйской ласки, Катерина рассеянно провела рукой по спине кошки, отчего та заурчала, устраиваясь поудобнее.

Встав, подошла к окну и, раздвинув шторы, подняла экран, чтобы посмотреть на разгорающийся на небе закат. Проведя пальцем по холодному стеклу, ненадолго прикрыла глаза, пытаясь остудить воспламенённый разум.

– Ты же знаешь, что я должна сделать.

– Элли, ты всегда умела скрывать свои мысли, но здесь не нужно быть экстрасенсом, чтобы понять, чего ты хочешь, – раздался недовольный голос за спиной. – Ты хочешь вернуться туда и девчонку с собой прихватить. Но это плохая затея, дорогая. Предчувствую, что всё кончится не так, как ты планируешь.

– А что ты предлагаешь? Бросить её? Сказать, что брат мёртв и всё кончено? Я не хочу, чтобы она погибла, – говорю громче, чем хотелось бы. – Ты знаешь, что задумал Чёрный человек? Я – нет. Но это стоит выяснить. Потому, что через это мы уже проходили. Они преследуют какую-то цель и им нужны близнецы. А обладающих даром близнецов очень и очень мало. И я думаю, таких сильных, как Марго и Максим, нет. Ты же сама видела, что она сделала. В обход Стража самостоятельно была готова перейти. Кто на такое способен?! И она перенеслась бы полностью, что в принципе считается невозможным. Такие вещи нельзя игнорировать.

– Она и вправду так сильна? – недоверчиво нахмурилась Катерина. – По виду и не скажешь. Когда она вошла, я ничего не почувствовала. Если бы не видела своими глазами...

– Только очень сильный медиум способен блокировать свой дар. Невероятно сильный. Даже я на такое не способна, а ты знаешь, насколько я теперь сильна, – заговорила уверенно, зная, что права.

– Ты сама не знаешь, насколько.

Я увидела, как Катерина изменила свой взгляд. Он потемнел, наполнился потусторонней глубиной. Так всегда происходит, когда она усиливает свои способности. Кошка недовольно замурлыкала, затем легко спрыгнула со стола и подошла ко мне, увиваясь и касаясь головой ног. Стало зябко, потянуло неуверенностью, которую с лёгкостью отбросила. Я не Марго, знаю, как с этим бороться.

В ответ Катерина поморщилась и всё закончилось.

- Могла бы и потерпеть, я ничего такого не делала, - недовольно сказала женщина. - Прежде чем вы уйдёте, позволь я скажу несколько слов.

- Неужели ты решила расщедриться на истину? - воскликнула недоверчиво, зная, как неохотно истинные экстрасенсы дают слово правды.

Это всегда очень сильно влияло на них. Вероятно, дело и правда дрянь, раз Катерина решилась на это. Нужно будет ей принести что-нибудь особенное, отчего ей станет легче.

- Твоя сила будет расти с каждым твоим погружением во тьму. Но и каждое погружение будет делать тебя слабей. Ты можешь разорвать этот круг, но последствия не заставят себя ждать. И могу предположить, что они тебе не понравятся, - спокойно и размеренно выдала она, пристально наблюдая за выражением лица. Я постаралась выглядеть бесстрастной, но похоже не преуспела в этом.

- А если я оставлю всё, как есть?

- Если не умрёшь, то станешь невероятно сильным медиумом. Чем чёрт не шутит, вдруг и правда без слов сможешь их отправлять за дверь, - улыбнулась она. - Но я не думаю, что всё так просто. То, что с тобой случилось девять лет назад... словом, это не просто так. Не жди спокойной жизни.

- О да, если такие, как Клаус активизировались, значит пора и мне что-то делать, - кивнула согласно.

- Не думаешь обратиться в Институт за помощью?

Мгновенно скривилась от упоминания этого места.

– Спасибо за предложение, дорогая, но нет. Ситуация не настолько критичная, чтобы я пришла туда по собственной воле.

– Как знаешь. Ладно, одевайся, покури на улице, вижу, что сильно хочется, а я пока поболтаю с нашей подругой. Марго уже четыре стопки хлебнула, так что есть вероятность, что придётся вызывать такси. Ей нужно время, чтобы расслабиться.

– Для неё тоже есть слова?

– Ну, а как же, – вставая из-за стола, кивнула женщина.

Марго спустилась вниз быстрее, чем я ожидала. Её ощутимо пошатывало, но взгляд выдавал трезвость ума и внимательность к деталям, показывая, что она сможет добраться без проблем домой. Другое было важнее – её печаль. Казалось, слова Катерины что-то надломили внутри неё, отчего девушка никак не могла оправиться. Рассеянность, скованность, на грани злости, вот, какие чувства её переполняли.

Зимой темнеет быстро, пожалуй, слишком быстро. Вместе с чёрными красками на землю спускался холод, голодный ветер, а также тьма. Она выползала из щелей вместе с удлиняющимися тенями, струилась под ногами, спускалась с почерневших небес, обволакивая, нашёптывая неразборчивые тайны и секреты. Голые ветви деревьев под гнётом мрака превращались в уродливые скульптуры жутких чудищ, а легонько трепавший их ветер, заставлял оживать тени на тусклом, оранжевом от света фонарей, снегу. И днём не особо популярный двор, сейчас превратился в безлюдный капкан, продуваемый всеми сквозняками, и лишь раздающиеся в отдалении клаксоны автомобилей да шум проспектов немного оживлял это место, даруя чувство причастности, чувство жизни.

Холод не был мне помехой, к нему слишком давно привыкла. Он преследует меня уже девять лет и с годами его проклятие слабеет, а я становлюсь всё

сильнее и сильнее. Мрак не так пугает, как прежде. Напротив, сейчас чувствую себя гораздо увереннее, чем при свете дня. Не об этом ли говорила мне Катерина? В этом скрывается секрет моей силы? Не знаю. Но явно одно – Марго не такая, как я, а значит, нам нужно уйти отсюда, пока и её не зацепило. Рядом со мной в такие моменты может быть опасно.

– Катерина сказала, что ты можешь найти Максима, это правда? – неожиданно чётко спросила девушка, глядя мне в глаза. – Она сказала, что он ещё жив и что есть шанс его спасти.

– Что-то мне подсказывает, что она не только это тебе сказала, – отвечаю с прищуром, чуть хрипло от дыма, застрявшего в лёгких. – Но это останется между вами, как и должно было быть. Марго, она сказала правду. Но прежде чем пойти на это, я должна спросить: готова ли ты рискнуть всем, чтобы спасти его? Шанс есть, но он ничтожно мал, я предупреждаю тебя об этом.

– Он мой близнец, я не могу оставить его, – с какой-то странной безнадёгой сказала она. – Максим сделал бы тоже самое.

– Тогда сегодня ты ночуешь у меня в гостевой комнате. Там ты выступишься, а завтра на рассвете двинемся за ингредиентами, – мой голос прозвучал фальшиво-бодро и с некоторым холодным коварством, которое Марго предпочла не заметить.

Идея пригласить её домой пришла только что, а учитывая, куда нам предстоит ехать, она была на удивление своевременна.

– Ты же не против переночевать у меня?

– Да, конечно, – девушка немного сбилась, она явно была изрядно измучена случившимися сегодня событиями.

Но Марго старалась держаться, и, думаю четыре, а то и пять стопок коньяка, были не лишними.

– Тогда поехали, время не ждёт.

Глава 4

Марго

Чёрный цвет окружает со всех сторон. Голова гудит и в ушах отдаёт ударами молота по наковальне, отчего всё расплывается перед глазами. С трудом приподнявшись на локтях, огляделась. Комната незнакома, но в воспоминаниях остались слова Элли, значит ночевала у неё в гостях. Та ещё ночёвка была. От воспоминаний стало хуже и я опустилась обратно на подушку, закрыв глаза. Нестерпимо сильно захотелось пить, а ещё почистить зубы и принять холодный душ. И завтрак, и домой. Но, к несчастью, вчерашнее не было обычной вечеринкой, а значит только моя глупость привела к подобным последствиям. Нельзя столько пить, особенно если не умеешь это делать.

Выбравшись из кровати, подошла к окну и раздвинула шторы. Солнечный свет больно ударил, поэтому отвернулась, сощурилась адаптируясь. Голова немилосердно ныла, мне и стоять-то было трудно, не то, чтобы попытаться понять, что делать.

Подойдя к кровати, подхватила лежащие на стуле вещи, стянув с кровати чистую простынку, вышла из комнаты, оказавшись в гостиной. Значит я на втором этаже, а ванная комната справа от кухни. Воодушевившись, быстро прошла туда, с неприязнью ощущая под босыми ногами не слишком чистый пол. Ванная оказалась почище, хоть ею давно не пользовались.

Сквозь толстый слой пыли на зеркале просвечивался страшный опухлый лик человека, не умеющего пить. Неожиданно для себя улыбнулась и тут же стало немного легче. Во всех смыслах. Забравшись в душ, включила воду и наскоро ополоснулась, используя заскорузлый кусок мыла. Зубы пришлось чистить пальцами и опять-таки мылом. Простирнув нижнее бельё, завернулась в простыни и вышла обратно в гостиную.

– Я надеялась, что ты встанешь позже.

Раздался голос со стороны кухни. В дверях стояла Элли, а в её руках было всё, что нужно – новая зубная щётка, полотенце, мочалка и другие мелочи, необходимые любой девушке. Она улыбнулась, а затем кивком головы велела

следовать за ней.

– Ладно, в другой раз. Вещи оставлю в комнате, не знаю, насколько они могут понадобиться, но пусть будут, – мы вернулись в гостевую комнату, где она оставила свёрток с банными принадлежностями. – Новое бельё посмотри в шкафу, кажется там оставались не распакованные, сейчас переодевайся, завтрак скоро будет готов.

– Спасибо, – сказала хрипло.

Элли в ответ улыбнулась и вышла из комнаты, плотно прикрыв за собой дверь.

Стало как-то неудобно, ведь осталась в гостях у совершенно чужого человека, которому так многим обязана. А учитывая моё состояние вчера... Да, впечатление оставила, скажем прямо, не самое лучшее. Сглотнув нервный ком, прошлась по ящикам длинного шкафа, в одном из которых нашла то, о чём она говорила. Спортивное нижнее бельё и несколько видов домашней одежды. Наверное, у неё много друзей, раз она хранит столько не распакованных комплектов. Или это для клиентов?

Переодевшись, проверила мобильный телефон. Так и есть, пять пропущенных сообщений с работы, затем сообщение: «Ты уволена». Не сложно было догадаться, учитывая, где работала. Да неважно. За последний год сменила шесть мест, и уже привыкла к этому.

Выйдя из комнаты, почувствовала приятный аромат, идущий с кухни. Элли не стала заморачиваться и приготовила простую овсянку с бутербродами. На столе, возле моей тарелки стоял стакан с водой и лежала таблетка активированного угля. Очень предусмотрительно.

– Ты должна быть в форме, – пояснила она, заметив мой взгляд. – Садись и ешь, у нас много работы.

– О чём ты?

– Ну, если ты не передумала, то сегодня ночью мы пойдём за твоим братом, – почти невозмутимым голосом, сказала она, доедая кашу. – Ты ведь не

передумала?

Вспомнив слова Катерины, отрицательно качнула головой. Даже если бы и передумала, деваться некуда. Уж лучше попытаться хоть что-то сделать, чем сидеть и ожидать смерти.

– Что конкретно от меня требуется? – спросила позже, распивая крепкий кофе без сахара и молока.

– Пусть это будет сюрпризом, не хочу, чтобы ты себя накручивала, – она загадочно подмигнула, с удовольствием раскуривая очередную сигарету. – Поверь, это будет незабываемо.

– Жду с нетерпением, – вымученно улыбнулась.

Голова не переставала болеть, но хотя бы не так сильно, как вначале. От солнечных лучей, струящихся сквозь сетчатые шторы, разыгралась мигрень, поэтому будь моя воля, нацепила бы солнцезащитные очки и носа на улице не казалась бы. Но кто же спрашивать будет?

А потом меня прошиб холодный пот. Как водой ледяной окатило осознание предстоящего.

– Эй, не раскисай! – бодро воскликнула она, заметив моё состояние. – Понимаю, коньяк был то, что надо, столько дней в неизвестности, неудивительно, что ты так сильно расслабилась. Просто прими всё как есть. У нас действительно много работы и мало времени. Сама понимаешь, чем дольше он там... тем...

– Где там? – наконец решилась я. – Ты говоришь о Изнанке? Что же всё-таки это за место?

– Точно, брат не посвящал тебя в детали. Может он и сам не знал, – на лице Элли проступило понимание. – Прости, я иногда забываю, что ты живая. Обычно мои клиенты уже мертвы и пришли оттуда.

– Так откуда они? – спросила тихо.

– Самое простое название – Изнанка. Иногда называют «Та сторона», Чистилище, Лимб, хотя по католицизму последние – разные вещи, также Ёми, Тартар и многие-многие другие имена. Изнанка не является чем-то постоянным, она изменчива, непредсказуема, непоследовательна. И у каждого она своя. Пожалуй, единственное, что делает её цельной, это представления людей о ней, – Элли улыбнулась, видя, как медленно вытягивается у меня лицо. – Что было первым, наше представление о смерти или же сама смерть? Загадка. В любом случае, та часть, на которую мы идём, очень похожа на Москву. Скажем так, нынешнее коллективное мышление было настроено на её апокалиптический вид. И твой брат сейчас находится там, – спокойно заключила девушка, допивая кофе.

– Но что это такое?

– Не увидишь, не узнаешь, – она нахмурилась. – Понимаешь, Марго, тот, кто создал Изнанку, изначально планировал сделать её именно Чистилищем. Местом, где люди принимают смерть и отказываются от прожитой жизни, чтобы перейти. Ведь многие, умирая, даже не понимают этого. Поэтому Изнанка такая многообразная. У каждого она своя. Она проецирует то, что поможет человеку справиться со своими внутренними демонами, – девушка достала очередную сигарету. – Признаться честно, не очень люблю об этом рассказывать, но, пожалуй, тебе следует это услышать. Не все люди справляются со смертью. Не перед всеми открывается дверь. Ты же знаешь, что это такое?

– Да, брат рассказывал, – согласно закивала, внимательно слушая, о чём она говорит.

– Те, кто не справляются, со временем сходят с ума. И попадают в чёрные воды Изнанки. Что-то вроде реки Стикс из греческой мифологии, – видя, что я не понимаю, о чём она говорит, вздохнула и разъяснила. – Они уходят в никуда. Исчезают, перестают существовать. Их личность рассеивается. Понимаешь? Небытие.

– О, – вот и всё, что смогла вымолвить.

После того, как брат рассказал, что после смерти есть жизнь, мне стало легче. Правда легче. Знание, что ты будешь жить и дальше, это внушает оптимизм. Даёт небывалую лёгкость бытия. Но слова Элли сковали холодом. Ведь это не

просто слова, это истина. Атеисты утверждают, что после смерти ничего нет, но твёрдых доказательств не имеют, поэтому это просто слова, догадки, предположения. Но за словами Элли стоит нечто большее.

– И таких становится всё больше, – добила меня девушка. Её взгляд ничего не выражал, но мне было видно, что она разделяет моё чувство потери. – Поэтому мы так нужны. Медиумы помогают призракам пройти через дверь. Говорят, что очень сильные медиумы способны создавать двери. Тебе об этом вчера Катерина говорила, помнишь? И здесь мы подходим к самому главному. Причина, по которой твой брат оказался там.

– Он нужен призракам, чтобы перейти? – быстро сообразила я. – Но зачем он им нужен там, ведь он умрёт и сам станет призраком, как он тогда сможет им помочь?

– После смерти медиумы не попадают на Изнанку. Мы сразу идём дальше без дверей. Медиум может стать призраком, если его душа при жизни окажется на той стороне. Говорят, что и мёртвый медиум способен провожать души, правда это или нет – не знаю, не встречала таких. С той стороны есть три пути, через дверь дальше, воды Изнанки и... обратно на Землю, – Элли невесело улыбнулась. – И я без понятия, какая дорога интересует Чёрного человека.

Вчера утром мне казалось, что я так много знаю о мире духов. Мне казалось, что этот мир мал и разобщён. Что каждая душа страдает и мечтает о свободе. Мне думалось, что понимаю, что происходит. Верилось, что духи не способны причинить истинное зло. Теперь знаю, насколько же была наивной. Насколько недалёкой и глупой. Верю ли в то, что брат в ловушке, что он хочет выбраться с Изнанке и вернуться домой? Нет. Обманывать себя и дальше не стоит. Остаётся только надеяться на то, что он и правда не знает, на что идёт.

Элли сказала, что не знает о будущем тех медиумов, что умерли на Изнанке. Она без понятия, есть ли у них возможность отправиться дальше или же они обречены застрять на той стороне навсегда. Поэтому не могу представить, что ждёт брата.

Самое жуткое – это понимание мотивов Клауса. Желание жить, желание быть. Разве можно упрекнуть человека в подобных стремлениях?

Призрак, который долгое время не может перейти, способен вновь обрести сознание, адаптироваться к жизни на той стороне. Главное условие, чтобы тебя знали, чтобы о тебе помнили, как на той стороне, так и на этой. Городские легенды, байки, предания. Всё это даёт призраку силы существовать. Когда о призраке забывают, он исчезает, становясь изменчивой частью Изнанки. Это сделка, которую ты заключаешь, боясь своего будущего. Ты получаешь имя, продолжаешь существовать, пока твоё время не выйдет. Нечестная сделка, но отчаявшийся призрак согласен и на такой вариант.

Мы проезжали мимо небольших городков, в старом автобусе, со слишком хорошо работающей печкой, отчего было нестерпимо жарко и душно. Прошедший вечер вновь раскалится головной болью, из-за чего прислонилась к прохладному стеклу, равнодушно наблюдая за зимним пейзажем за окном.

Впереди нас ожидает кладбище. За чем именно мы на него едем, Элли не говорит, только продолжает загадочно улыбаться.

Чем больше общаюсь с ней, тем больше возникает вопросов. Кто она такая? Девушка совершенно не похожа на Максима. Кажется, будто бы она с другой планеты, настолько чужеродно выглядит в этом автобусе, среди самых обычных, земных людей. Она сидит возле прохода, листает в очередной раз дневник брата, хмурится, иногда что-то шепчет себе под нос, постукивая пальцем по особо заинтересовавшим строкам. Мне сложно понять, зачем она помогает мне.

Элли была чужой. Не такой. И кажется, что это как-то связано с её прошлым. Что она прошла через что-то такое, что полностью изменило девушку. Что-то, что сделало её выше остальных, но при этом полностью опустошило. Разрушило самые естественные желания. Но что это было? И как это связано с братом? А ведь это связано, видела, как изменилось её лицо, узнав титул учителя Максима. Чёрный человек. Похоже, они встречались. Она была его ученицей? Чем всё это закончилось?

Из раздумий вывела резкая остановка автобуса. Мы приехали.

Надевая тяжёлую зимнюю куртку, вышла на свежий воздух вслед за Элли. Как же хорошо. В голове сразу прояснилось, отчего непроизвольно улыбнулась. Но радость быстро прошла. Кладбище. Не самое светлое место на земле. От одной мысли, что там, за чёрной оградой скрываются сотни могил становилось весьма зябко. И зачем мы сюда приехали?

Это было старое кладбище. Некрасивое, не старинное, не принадлежащее европейским ценностям, а обычное русское кладбище. Неровное, неухоженное, закрытое сугробами и коваными, а иногда и деревянными оградками. Вперемешку, стоящие памятники, покосившиеся кресты, надписи на которых давно стёрлись. Запустение и холод, не утопающее в цветах, которые изредка, но всё же украшали чёрно-белую палитру могил.

В будний день на кладбище почти никого нет: несколько старушек, какие-то серые, тусклые люди, потерянно бредущие, оступающие и не смотрящие под ноги. Сегодня не было процессий, так что нам удалось легко затеряться и оказаться в пустынной части кладбища. Элли несколько раз останавливалась у недавних захоронений, закрывала глаза, глубоко дышала, а потом качала головой, отмечая что-то и идя дальше. И, наконец, мы пришли.

Возле старого дерева располагалось несколько могил, принадлежащих одной семье, окружённых общей оградой с покосившейся калиткой. Здесь девушка задержалась дольше. Удовлетворённо кивнув, с трудом отворила дверцу и мы зашли внутрь, остановившись возле свежей, ещё не покрытой толстым слоем снега, могилы. Добротный каменный памятник с вкраплениями мрамора, сообщил, что здесь похоронен молодой человек, которого все любили. Невнятная цитата из Библии, несколько завитушек, покрытых фальшивым золотом, да большой венок, вот и всё, что осталось от жизненного пути этого парня. Даже обидно. А от мысли, что там, на глубине, в деревянном гробу покоится разлагающееся тело, стало зябко.

– Зачем мы сюда пришли? – спросила наконец, не выдержав затянувшегося молчания.

Элли встряхнулась, а затем заявила:

– Будем копать!

Достав из сумки небольшую лопатку, протянула мне.

- То есть? - я заметно напряглась, совсем не ожидая такого предложения. - Что ты имеешь ввиду?

- Ах да, - лицо прояснилось и она вновь полезла в сумочку.

Достав маленькое зеркальце, открыла его и выудила небольшую иголку. Проколов палец до крови, поднесла руку к середине могилы и с силой выдавила несколько капель.

- Вот теперь точно можешь начинать копать.

- Я не понимаю, - процедила сквозь зубы. - Что ты имеешь ввиду под словом копать? Ты хочешь, чтобы я раскопала могилу? Лопаткой?!

- Прости, - она, не выдержав, рассмеялась. - Прости-прости, но это так забавно! Я, когда маленькая была, всё время мечтала о всяких магических ритуалах, заклинаниях и прочих штучках. Теперь вот, мы на кладбище, возле могилы, орошённой моей кровью. Это глупо, я знаю, но так надо. И да, тебе не нужно раскапывать гроб, да этой лопаткой ты и не сможешь. Просто копай и очень скоро поймёшь, зачем.

- А просто сказать ты не можешь?

Деваться было некуда, поэтому опустившись на четвереньки, постучала лопатой по стылой земле.

- Мне просто интересно, получится или нет, - пожав плечами, сказала она, доставая из сумки небольшой пластырь и закрывая кровоточащий палец. - В теории знаю, что должно получиться, но на практике никогда этого не делала. Так что вперёд.

Вздохнув, ещё пару раз ударила по земле, а затем сделала небольшую ямку. Ещё глубже, и ещё. И ещё немного, а потом... ну, словом сказать, я не ожидала накопать червей.

– Мы идём на рыбалку?!

– Черви? – радостно воскликнула она, опускаясь на колени и внимательно рассматривая несколько червяков, ползающих по краю лопаты. – Вот чёрт, а это и правда работает!

– Мы приехали сюда, чтобы накопать на могиле недавно умершего парня червей?! – выпалила ошарашенно, цепенея от нахлынувших чувств. – Ты серьёзно?!

– Марго, начнём с того, что червей зимой в наших широтах нет. Если ты отойдёшь от могилы на пару метров и попытаешься сквозь снег и твёрдую землю копать, то ничего не получится, – терпеливо проговорила она. – И да, мы приехали сюда именно за ними. Могильные черви. Настоящие могильные черви. Не те, что обитают в разлагающемся трупе, а те, что пожирают связь человека с нашей реальностью. Нам повезло, этот парень застрял на Изнанке, поэтому они здесь.

Девушка достала небольшую баночку и пинцет, которым ловко подхватила несколько червяков и засунула их всех внутрь вместе с небольшим количеством земли, после чего отклеила пластырь и бросила его туда же, плотно прикрыв крышку и убирая обратно в сумку.

– Зачем нам эти червяки?

– Я тот человек, который считает, что информацию нужно выдавать строго дозированными порциями, – она как-то неприятно улыбнулась, а затем нахмурилась. – Но, пожалуйста, не думай, что мы напрасно теряем время. Всё, что мы делаем – необходимо, уж поверь.

– У меня как-то нет других вариантов. Всё, что я могу – довериться тебе, – пожалала плечами, вставая. – А сейчас, раз нам больше здесь ничего не нужно, пошли отсюда, холодно. Не хочу и минуты больше провести на этом кладбище.

– Но всё-таки придётся чуть подождать, – отрицательно качнув головой, сказала она, а затем подошла к надгробию и положила на него руки. – Сейчас, ради бога, молчи, хорошо?

Не дожидаясь ответа, девушка вновь закрыла глаза и глубоко выдохнула.

Ожидание затянулось. Элли сама стала выглядеть как часть непонятной композиции, настолько неподвижно стояла возле могилы. Только побелевшие пальцы выдавали в ней томящийся холод, но она не выказывала нетерпения или неудовольствия. Уж не знаю, что она делала, но это было важно.

Несколько раз мимо проходили какие-то люди и каждый раз я вымученно улыбалась, стараясь придать вид скорбный, но не зловещий или враждебный. Пусть думают, что хотят.

От холода била крупная дрожь и уже не в первый раз подумала, что наверняка заболею, когда вернусь домой. Мысль о более тёплой одежде посещала не раз, не говоря уж о чашке чая, тёплом пледе или горячей ванне.

А затем всё резко изменилось. В один миг кладбище перестало быть обычным. День перестал быть днём, а реальность реальной. Всё смешалось, стало немного, но другим. Ирреальным, как и человек, возникший как из ниоткуда возле Элли. Я быстро подавила изумлённый возглас, памятуя о просьбе девушки, и обратилась в слух.

– Ты долго шёл, – резюмировала Элли. – Я уже решила, что ты не придёшь.

– Моя могила, – когда-то отчаянно рыжий и также отчаянно веснушчатый парень поморщился. – Кто любит приходить на свою могилу? Это пахнет извращением.

– О! Так ты в курсе происходящего! Неожиданно, – холодно сказала она. – Раз знаешь, что не вернёшься, почему всё ещё здесь? Не вижу ничего, что держит тебя. Значит дверь уже появлялась, почему не перешёл?

– Не хочу, – равнодушно пожав плечами, сказал он. – Мне интересно. Что там за дверью не знает никто, а я хочу узнать, что будет здесь. Через год, десятилетие, столетие. У меня появились друзья, которых никогда не было при жизни. Появились способности, о которых раньше только мечтал! Возможности видеть события такими, какие они есть на самом деле. Не хочу уходить, вот и не ушёл.

– Дурак! – сквозь зубы выпалила Элли. – Ты просто идиот! Боже и я на тебя собиралась тратить силы? Да зачем мне это надо! Оставайся здесь, наслаждайся зрелищем, пока Изнанка не поглотит и от тебя не останется ничего!

– Ты имеешь ввиду небытие? – спокойно переспросил он, никак не отреагировав на слова девушки. – Мне говорили об этом. Но также сказали, что я воскресну раньше, чем безумие толкнёт меня в воды Изнанки.

– Они солгали, – Элли покачала головой. – Боже, и сколько же вас таких, обманутых... Вы не сможете вернуться. Не сможете отвернуться от Изнанки. Ты сам сойдёшь с ума, когда черви дожрут твою связь с реальностью. Для изменения слишком поздно, тебе не стать личностью Изнанки, не хватит сил и опыта. Она просто не примет тебя.

– Я не понимаю, – а парня оказалось сбить не так просто, как казалось. Он был уверен в своих словах и просто не поверил Элли. – Кто ты такая, чтобы утверждать такое?

– Медиум, – пожав плечами, ответила она. – Я могу помочь тебе перейти. А могу просто уйти отсюда и бросить тебя. Выбор за тобой. И учти, у меня не так много времени, чтобы тратить его на мечтателей, вроде тебя. На свете полно призраков, которым я нужнее.

Элли отошла от памятника к калитке, делая вид, что собирается уйти.

– Постой! – крикнул он. – То, что ты говоришь – правда? Я не воскресну?

– Как ты себе это представляешь? Думаешь, вы все вдруг раз и превратитесь в Лазаря? – повернув голову, иронично воскликнула она. – Нет, конечно нет.

– Но тогда я... – на его лице проступили смешанные чувства.

– Я не лгу, Артём. И в глубине души ты знаешь это. Просто некоторые призраки завидуют тем, кто может перейти. Они делают всё, чтобы не дать им это сделать.

Над нами вспыхнуло ослепительно-белым цветом небо. Как будто ядерный гриб, взрыв, выбил тени из реальности, путая зрение и чувства. Ослепнув от невыносимо яркого света, закрыла глаза, а когда открыла, как будто бы ничего и не было. Всё пропало, в мир вернулись звуки, переливчатое пение птиц, шум деревьев, скрипящих на ветру, далёкие голоса людей, небо насытилось голубыми красками с редким вкраплением белых рассеянных облаков. Неподалёку как из ниоткуда появились люди, о чём-то разговаривающие возле одной из могил. И только Элли осталась неизменной. Всё такая же отстранённая и далёкая, как и всегда. Она смотрела на то место, где раньше стоял призрак с тёплой облегчённой улыбкой.

- Что случилось?

- Он перешёл, - улыбка расширилась, образовав на щеках прелестные ямочки, заставив глаза заискриться теплом. - Дверь это всего лишь образ и у каждого он свой. Иногда буквально, иногда вот так. Каждый представляет переход по-своему.

- Так работает медиум? Я думала, это будет иначе. Как в книгах, у каждого призрака есть незавершённое дело. Ты узнаёшь какое, а затем решив, наблюдаешь как он уходит. Что изменилось? Как ты это сделала, ведь вы так мало друг другу сказали?

- Я уходила, - терпеливо сказала она. - Не понарошку, а по-настоящему. И он это понял. Только после этого осознал, что его обманули. Моё присутствие облегчило его сознание, открыв дверь. Вот он и ушёл.

- Это выглядит так просто...

- Всё зависит от силы. Вот увидишь, когда сама начнёшь помогать, - девушка вздёрнула правую бровь, подмигнула, а затем кивком головы пригласила следовать за собой. - Пошли отсюда, а то кто-то говорил, что он замёрз, а нам ещё ехать долго.

- Подожди-подожди, что значит помогать?

Слова Элли не сразу дошли до меня, но смысл был понятен ещё со вчерашнего вечера. Катерина говорила об этом, а я не поняла. Не хотела понимать. Я всегда

знала, что внутри меня есть небольшая дверца, закрытая на тяжёлый амбарный замок. Что за этой дверью, не знала и знать не хотела. Но все происходящие события по досочке разбирали эту дверь, так что остался один замок, да и он разваливался на части. Близнецы – это как приговор в любой мифологической культуре. Если мой брат медиум, не удивительно, что и меня эта чаша не миновала.

– Да, это твоя природа, Марго, – очень спокойно сказала Элли, коснувшись плеча. – Ты уже не ребёнок, не маленькая девочка, закрывающая глаза на то, чего не хочешь видеть. Из тебя получится очень сильный медиум, ведь только сильные способны так долго глушить своё видение. Но и этому пришёл конец.

Элли

Как же мне хотелось выпить. Просто взять и напиться до невменяемого состояния и забыть всё и вся. Всё кружится перед глазами от сковавших в холодные тиски волнения и тревоги. Нестерпимо. Невыносимо больно. А вот Марго наоборот на удивление спокойна и задумчива. Мне нравится эта девушка. Она не отрицает, не отказывается, не смеётся, а думает. Обдумывает всё, что с ней случилось и происходит до сих пор. Хорошая черта. Она умеет слушать, а значит справится. Другой вопрос, а не слишком ли я замахнулась для нас двоих? Изнанка не любит живых. Не любит слабых. А учитывая обстоятельства, слабости хватит с избытком. Не уверена, что затея выйдет, но шанс есть, пусть и крошечный. Когда-то этого было достаточно. Хватит ли сейчас?

Вернувшись в город, мы, по обоюдному согласию, решили заскочить в небольшую кафешку, чтобы перекусить и немного согреться. Предстоящее пугало, как и тот контраст, что так ярко проявляется именно здесь, среди людей. Интересно, что чувствуют солдаты, отправляясь на войну? Мне кажется, что по-настоящему они ничего не чувствуют. Всё приходит позже, в самолёте или уже на земле, среди таких же, как и они. Но в городе только появляется чувство отчуждённости, иррациональности, громкого смеха и замирания на месте, уставившись в одну точку. Потому что иначе сойдёшь с ума. Иначе завопишь и откажешься, сбежишь, дезертируешь, лишь бы не встретиться со своими страхами лицом к лицу.

– Почему ты помогаешь мне, Элли?

Марго слишком внимательно смотрит. Она неуютно чувствует себя в моём присутствии, словно пытается придумать слова, чтобы извиниться, чтобы высказаться о своей признательности. Она не знает, как реагировать на мои действия, не знает, как себя вести. По этому поведению видно, как много у неё друзей было в жизни. Как много людей помогали ей просто так. Как много доброты она видела. И это я себя считаю аутсайдером.

- Потому что никто больше не сможет тебе помочь, - отвечаю просто.

- Это не ответ, - упрямо покачав головой, почти насупившись, говорит она.

- Что ты хочешь от меня? Я делаю то, что делала всегда. Помогаю тем, кто обратился ко мне за помощью. Как думаешь, откуда в записной книжке твоего брата мой адрес, если мы с ним не знакомы? Причём именно адрес, не телефон. Позвони ты мне, я бы сказала, что не знаю твоего брата и мы скорее всего так и не встретились бы. А если и встретились, то это случилось бы гораздо позже. И тогда уж точно всё было бы потеряно. А пока у нас есть шанс, маленький, но он есть.

- Твои ответы сводят с ума, - нервно пробормотала она.

- Марго, выдыхай. Тебе предстоит через многое пройти. Мой совет - думай над тем, что скажешь брату. Думай, как можно тщательней, чтобы в минуту волнения не потеряться и сказать то, что нужно. Ведь, по сути, только ты можешь его увести от Чёрного человека.

Она лихорадочно вздохнула и заметно напряглась.

- Я иногда думаю, какой была бы наша жизнь, если бы наш отец не был бы таким жалким, - глухо сказала она. - Понимаешь, моя семья очень богата. Очень-очень богата и всё благодаря деду. Так уж вышло, что мой отец был старшим из трёх сыновей. То есть прямым наследником состояния и всех проектов. Его с детства к этому готовили. Но вот беда, мой папа оказался очень слабым и вялым, совсем не приспособленным к миру бизнеса. Неудивительно, что дед в нём разочаровался и, когда отец вырос, почти отказался от него, полностью сосредоточившись на остальных сыновьях. Средний брат оказался неплохим финансистом, но в нём не было лидерских качеств, в отличии от младшего. Тот был просто копией деда. Мама говорит, что в то время всё складывалось просто

замечательно. Мой отец открыл небольшое дело, связанное с реставрационными работами, встретил маму, через год родились мы. А потом он прогорел и в это же время умирает младший брат. Это мутная история, дед как-то даже обвинял моего отца в смерти брата, но я не знаю подробностей. О таком не говорят. В любом случае, у среднего брата одни девочки и дед вспоминает о Максиме. Так мы принудительно оказались в гостях у деда. И начинается ад, что для Максима, что для меня. Нам было всего семь лет! Мы знали любовь и не знали боли и насилия. Бабка была хуже всего, но она быстро сдохла... – поперхнувшись, она сделала глубокий глоток порядком остывшего чая, а затем посмотрела в окно. – Да ещё призраки... Бабка была первым духом, которого увидел Максим. Я думаю, поэтому он так вцепился в Чёрного человека. В нём он видит не только Учителя, в нём он видит ещё и отца. Настоящего, того, кому хватит сил дать отпор деду.

– Как же вы тогда уехали? Как он смог пойти против деда?

– Он сказал, что если дед будет на него давить, то потом от семейного бизнеса и мокрого места не останется. Что он жизнь положит на то, чтобы всё развалить, – Марго сардонически рассмеялась. – Мне кажется дед отпустил его именно из-за того, что Максим дал отпор. Только младший сын был на такое способен. Думаю, дед ждёт, когда Максим вернётся. Он уверен, что это скоро случится.

– Надеюсь ненависть к семье у него не настолько сильная, чтобы отказаться возвращаться в мир живых, – криво улыбаюсь, достаю пластиковую карточку, чтобы расплатиться за обед.

Время расслаблений прошло, впереди самое важное. Черви.

– Неужели ты не видишь, какая она слабая? – голос, доносящийся за стеной противный и резкий, наполненный холодом и презрением.

Девочка подошла к закрытой двери, прислонилась, чтобы лучше слышать, а затем чуть наклонилась, чтобы попытаться хоть что-нибудь увидеть через замочную скважину. Поздний вечер, тёмная гостиная, оранжевый свет от фонарей и проезжающих мимо машин, всё это создавало иллюзорное движение, скомканное узким смотровым отверстием. Казалось, что в пустой комнате два человека, стоящих друг напротив друга. Один прямой как палка, как фонарный столб, другой как скопище ветвистых деревьев, верткий и костлявый.

– Она не слабая, просто ещё маленькая, – в ответ доносится усталый голос.

– Да брось, она не способна ни на что стоящее. Зачем ты тратишь своё время на неё? Лучше избавься от неё и найди кого-нибудь попримечнее! – фыркнула костлявая фигура, отходя к окну.

– Зато ты меняешь своих учеников как перчатки. Так и не нашёл себе идеального ученика? – сыронизировал второй мужчина.

– Я в поисках бриллианта. Мне не нужны поддельные алмазы. Я охочусь за редкостью и добыю своё.

– Как бы эта редкость не оказалась сильнее и умнее тебя.

– Волнуешься за меня? – в голосе послышалось саркастическое удивление. – О да, тебе же об этом волноваться не приходится. Твоя малышка никогда не превзойдёт тебя.

– Ты всегда недооценивал таких как она. Элли ещё удивит тебя...

– Элли! Ты что делаешь? – послышался отцовский голос за спиной.

Девочка, увлечённая подслушиванием, пропустила момент, когда в дверях появился отец.

– Что там такое интересное происходит? – с улыбкой он подходит к девочке, взъерошивает её волосы, а затем открывает двери гостиной и включает свет.

Светлая гостиная совершенно пуста и обыденна. Девочка осторожно выглядывает из-за широкой спины отца и улыбается.

– Папочка, это всего лишь игра такая. Я в шпионов играю. Ты мне всё испортил! – немного фальшивым голосом заявляет она.

– Ладно маленькая шпионка, пора ложиться спать, – мягко говорит отец.

– Ага! – девочка кивнула.

Выходя из комнаты, обернулась и кому-то подмигнула.

Глава 5

Чёрный пёс был так неподвижен, что сначала приняла его за тень. Доберман с дымящимися чёрными провалами вместо глаз. Собака лежала, положив морду на лапы, но, когда мы оказались у подъезда, встрепенулась, беззвучно уставившись прямо на меня. Она провожала взглядом до тех пор, пока мы не скрылись за дверью и что-то мне подсказывает, она останется лежать и следить за домом.

– Странная собака, – проворчала, передёрнув плечами, разуваясь в прихожей. – Никогда не видела собак-призраков.

– Что? – Марго вскинулась, изумлённо уставившись. – А такое возможно?

– Раньше думала, что нет, – ответила, покачав головой.

– Где ты её углядела?

– Да прямо напротив дома. Сложно не заметить огромного чёрного добермана, – раздражённо фыркнула.

– Я ничего не видела, – расстроилась Марго.

Вместо ответа, подошла к окну, выходящую на ту часть улицы. Собаки уже не было, как и следов того, что она там была.

– Не забивай голову, – встряхнув волосы, сказала негромко. – У нас и так много дел.

Выложив на стол банку с червями, достала из запасников настойку черники, небольшую миску и седой порошок. Из чего сделан последний лучше никому не

знать.

Выгрузив шевелящихся червяков в миску под пристальным любопытным взглядом Марго, принялась их толочь, постепенно, по чуть-чуть, добавляя густую, почти как сироп, настойку, чуть позже чайную ложку порошка, немного сахара и главный ингредиент – три капли собственной крови.

– Давай руку, – не поднимая глаз от получившийся смеси, приказала девушке.

Марго безропотно подчинилась, поморщилась только, когда проколола палец и выдавила кровь в миску.

– А зачем это?

– Понимаешь, призраки не любят живых. Очень сильно не любят. Особенно, когда те забредают на их территорию. Все легенды и сказки не врут – там погибель. Но есть способы обмануть духов. Для этого нам нужно стать такими же, как и они. Мёртвыми. Я делаю маску для лица, которая исказит восприятие. А кровь для привязки. Всё просто. Конечно, было бы лучше, если бы мы получили приглашение от призрака, но что есть, то есть. Лучше никому не знать, что мы идём на Изнанку.

– То есть эту гадость я должна нанести на лицо? – в голосе Марго прорезались истеричные нотки. – Ты серьёзно?!

– Радуйся, что пить не надо. Напиток был бы более действенным, хоть и значительно рискованным для организма, – пренебрежительно фыркнув, поставила миску в микроволновку, запустив на самом медленном режиме. – Пойдём, нужно всё смыть с лица для лучшего впитывания.

– И сколько эта гадость будет держаться? – сквозь зубы и с несчастным видом спросила девушка спустя время, сидя как изваяние в кресле, боясь пошевелинуться и потревожить сметанную массу на лице.

– О, за пару часов она полностью впитается. Маска влияет на более тонкие вещи, чем наши физиономии, – заявила оптимистично. – Зато потом сразу отправимся

за твоим братом.

– Ты меня сильно успокоила, – проворчала она. – Слушай, маска щиплет кожу, так и должно быть?

– Значит действует. Не нервничай, лицо не пострадает. Не могу сказать о положительных эффектах, но отрицательных точно не будет.

– Я просто не могу так долго сидеть и ничего не делать. Мы начинает колотить от холода.

– Если хочешь, можешь лечь в гостевой комнате и поспать. Так даже лучше – во сне маска быстрее впитается. Как проснёшься – сразу станет легче, – говорю, пожав плечами.

Девушка тотчас поднимается.

– Так и поступлю, – заявила она, покидая комнату.

Негромко фыркнув, достала сигареты и аккуратно прикурила. Для меня это тоже было в новинку. Мне никогда не требовались подобные ухищрения. Я всегда была под защитой.

Вновь подойдя к окну, уставилась на снег перед домом. Собаки нет. Как и ожидалось. На секунду, задумалась о том, откуда она взялась. Чего хотела? Чёрный псы в мифологии всегда были предвестниками бед. Блэк Шака, Пэдфут, Макл Блэк Тайка, Гвилги, Харгест, Чёрный Шак и, наконец, Гримм. Говорят, что этот пёс является потомком Цербера или Гарма. Но что это значит?

Марго

Резко, как по щелчку, подскакиваю над кроватью, моментально выбираясь из сумбурного сна. Всё перемешалось – и прошлое, и настоящее, и будущее. Такой вязкий и липкий ком, от которого с радостью избавилась, выбравшись из постели.

Сколько я спала? Часы показывают восьмой час, а значит очень и очень много. Подойдя к зеркалу, убедилась, что маска полностью впиталась. Такая плотная консистенция и так быстро исчезла. Провела рукой по щеке, прикоснулась к губам, задумалась о чём-то мимолётном.

- Ты уже проснулась?

За спиной появилась полностью готовая Элли.

- Давай по кофейку и поедем. Такси я уже вызвала, так что готовься, через полчаса выходим.

- Так быстро? - вырвалось невольно, отчего поморщилась.

- Просто смирись с тем, что теперь в твоей жизни всё будет происходить быстро, - вымученно улыбнулась она. - Идём, чайник уже закипел.

Спустя десять минут и одной выкуренной сигареты, Элли, наконец, перешла к делу.

- Послушай, то, что мы сделаем, очень опасно. В первую очередь потому, что мы идём в место, для живых непредназначенное. Понимаешь? Там обитают мёртвые, а значит и законы действуют иные. Поэтому ты должна запомнить несколько правил. Первое, ничему не верь. Второе, слушай только то, что я говорю. Третье, когда будем уходить, не оборачивайся, даже если услышишь самые отчаянные мольбы о помощи.

- Я где-то читала об этом. Это из греческой мифологии? - нахмурилась, вспоминая курс школьной истории.

- Эвредика. Она умерла, а её муж отправился вслед за ней в царство мёртвых. Он получил разрешение забрать её у Аида и Персефоны, но они поставили условие - не оглядываться, идёт ли за ним его жена. Он оглянулся, Эвредика осталась в мире мёртвых. По-моему, что-то ещё было про жену Лота, но это уже из Библии, поэтому не совсем то. В целом это классика для мифов, так что, если поискать, можно найти что-нибудь ещё, - пояснила Элли. - В любом случае, это правда. Нельзя оборачиваться и нельзя ничему верить. Я уже была там, поэтому

ты должна слушаться меня, иначе не сможешь найти выход.

– Как мы туда попадём?

– О, это самая интересная часть, – девушка прищурилась и подмигнула, а затем достала сумку из-под стола и открыла её, выложив на стол небольшой предмет, замотанный в шёлковую голубую ткань. – Догадаешься, что здесь?

Отрицательно помотав головой, с любопытством откинула ткань.

– Чёрт, это же золото!

– Смеёшься? – скептически воскликнула Элли, поднимая золотую ветвь. – Позолота, только и всего. Настоящее золото ни тебе, ни мне не по карману, да это и не нужно. Главное, чтобы блестело золотым, он любит такие подарки.

– Подожди-подожди, это то, о чём я думаю? – моментально нахмурилась, лихорадочно перебирая всё, что помнила о Греции. – Золотая ветвь, царство мёртвых, Эвредика... мы идём к Аиду?

– Почти, – девушка улыбалась ну очень уж ехидно, усиливая мои сомнения.

Кто в здравом уме поверит в такое?

– То есть ты хочешь сказать, что из всех религий мира, греки оказались правыми? Зевс, Олимп и прочее? Серьёзно?!

Элли скорчила невозмутимую физиономию, но очень быстро сдалась, звонко рассмеявшись.

– Нет конечно, если бы всё было так просто, не было бы других религий. Нет, ну правда, мы медиумы существуем очень давно, уж как-нибудь да донесли бы до людей всю правду. На самом деле, реальность гораздо прозаичнее. И сложнее одновременно. Как уже говорила, Изнанка многолика. Она переменчива, она непостоянна, она формируется из представлений людей о ней. Так получилось, что те, кто общается с духами в нашем регионе, а я имею ввиду Европу, предпочёл отголоски греческой мифологии. Однако мы не брезгуем и классикой,

Библия, буддизм и многое другое по мелочи. Сразу говорю, что творится в Китае и Индии – не знаю, мы туда не ездим, опасно. Азия вообще в плане призраков повёрнута на всю голову, да ты и сама видела эти фильмы ужасов. От правды они не так уж далеки.

– Ты меня запутала, – простонала, закрывая лицо волосами.

– У тебя вся жизнь впереди, разберёшься. На то, чтобы всё понять у меня ушло много времени. Здесь столько тонкостей, столько деталей, а...

Снизу послышался негромкий звон.

– А вот и таксист, – по-другому закончила она. – Просто запомни то, что я тебе сказала. Три правила. Соблюдая их – выживешь.

В такси было холодно. Или это меня знобило несмотря на палящую жаром печку. Водитель что-то с жаром втолковывал поддакивающей Элли, расположившейся на переднем сиденье, я же, прислонившись лбом к стеклу, прокручивала в голове всё, что случилось за последние сутки. Боже, почему всё так произошло? Ведь не бывает так вот всё? Не бывает, ведь правда?

В груди клубок шипящих растревоженных змей и мне никак не удаётся успокоиться. Всё хочется что-то сделать, что-то сказать, на что-то решиться, но прямо сейчас машина едет так медленно. Что скажу Максиму? Вот что должна сказать ему, чтобы он вернулся? Не уверена, что он просто бросился в тот мир с головой, не думая ни о чём. Нас по-другому воспитывали, а значит он знает, на что идёт. Как мне вернуть брата? Как достучаться?

Автомобиль остановился на окраине Москвы, где-то возле Серебряного бора. Район незнаком и неприветливо холоден. Небо, окрашенное в мутные рыжие тона с густыми грязно-серыми облаками, нависал тяжестью и мелкими букашками-снежинками, забирающимися при помощи ветра, за воротник, неприятно холодя шею. Поёжившись, плотнее засунула руки в карманы, дожидаясь, когда Элли расплатится с таксистом.

– Потерпи, мы почти на месте.

Оглядевшись, заметно напряглась, поскольку понятия не имела, о чём она говорит. Мы находились возле кромки леса, на клочке старого, полуразрушенного асфальта, щедро укутанного толстой полоской льда, припорошенного лёгким снежком. Напротив, через широкую дорогу, располагались складские здания, закрытые высокими заборами, украшенные колючими проволоками и небольшими видеокамерами. На территориях вяло побрехивали дворовые псы, мимо проносились машины, ослепляя вспышками фар, а за спиной, завывая пронзительной стужей, шумел ночной лес. С нашей стороны, за поворотом, спрятанный темнотой, но освещённый всего двумя фонарями, виднелся то ли клуб, то ли магазин с причудливым входом в виде распахнутой пасти дико улыбающегося клоуна. Наверное, при свете это выглядит не так страшно, а скорее даже привлекательно для посетителей, но сейчас, в эту свинцовую ночь, здание выглядело пугающе, отталкивающе-непритязательно и явно дёшево. Не удивлюсь, если нам именно туда.

Я не ошиблась.

– Элли, что это за место? Я словно иду прямо в фильм ужасов. В них обожают такие декорации! – воскликнула, осторожно ступая по скользкому асфальту, не поспевая за прущей напролом девушкой. – Там вход на Изнанку?!

– А, – она махнула рукой, даже не оглянувшись. – Поверь на слово, лучше один раз увидеть, чем сто раз услышать. Такое не забывается. Доверься мне.

У входа стояла покосившаяся тумба с объявлениями старых, прямиком из девяностых, концертов, перекрытых огромным плакатом с объявлением:

Клуб развлечений!

Приходите, ведь только у нас – «Зеркальный лабиринт», «Комната страха», «Гадальный будуар» и многое другое!

Судя по всему, и объявление висит здесь не меньше десяти лет. Странно, что за столько времени клуб не закрылся и всё ещё радуется облупившейся краской на лице клоуна, расписанием работы касс и временем приёма на входе. От всей картинке, запорошенной зимним антуражем, веяло истинным духом

сюрреализма. Только соответствующей музыки не хватало. Однако сама мысль о том, зачем мы сюда пришли, перебивала всё и вся. О да, мы идём в Царство теней. Из «Клуба развлечений». Я вся в предвкушении.

Элли направилась напрямиком ко входу, едва не поскользнувшись на огромной ледяной луже. Она нащупала во тьме дверной звонок и несколько раз нажала, вызвав в глубине далёкую трель, после чего отошла и встала рядом, ободряюще улыбнувшись.

– Ничего не бойся, Марго, – шепнула она за мгновение до того, как открылась входная дверь.

На пороге появился полуголый юнец в одних штанах и дешёвых шлёпках. Его лицо, густо усыпанное как веснушками, так и прыщами, выражало крайнюю степень удивления. Он явно не ожидал кого-либо увидеть.

– Я не заказывал! – резко воскликнул он, почесав нос и недовольно прищурившись. – Чего вам надо?

– Мы не к тебе, – Элли вышла вперёд и негромко хмыкнула. – Паша, ты же помнишь меня?

– А, это ты, – снисходительно пробурчал парнишка, открывая по шире дверь, – ну, заходите, раз пришли.

Элли уверенно переступила порог странного клуба, я следом юркнула мимо скучающего парня.

Разочарована. Вот, верное слово к тому, что увидела. Вместо таинственного полумрака с густым зеленоватым туманом и странным шёпотом по углам, перед нами оказалось обычное фойе с классическим набором: касса с мелким окошком, гардеробная на три с половиной калекки, небольшой магазинчик, застеклённый и похоже давно не открывавшийся, двери, украшенные дешёвой мистический символикой, как пауки, паутина, кривые красные глаза и «зловещая» надпись: «Оставь надежду всяк сюда входящий» на латыни с ошибками. Полный антураж.

Именно в этот момент расслабилась. Нервное напряжение, не отпускавшее с самого дома, рассосалось, оставив лишь лёгкую дрожь, да и та, в тепле, быстро сошла на нет. Не знаю, чего именно ожидала, но явно не этого. Здесь всё было настолько примитивно, настолько предсказуемо и плоско, что ожидать чего-то пугающего и сверхъестественного, не приходилось. Мне стало легче.

- Чай, кофе? - раздался голос за спиной. - Он скоро придёт, так что если хотите...

- Нам ничего не нужно, - Элли отрицательно мотнула головой, остановившись возле старых рекламных плакатов. - М-мм, новый постер. 2007 год. Не видела его раньше, решили чуть изменить интерьер?

- Мне было скучно, - вяло отреагировал Паша, обходя меня по дуге. - Раньше ты приходила одна. Это кто?

- Подруга, - коротко ответила она.

- Ну и ладно, - равнодушно сказал он, вновь почесав нос, а затем нахмурился. - Скоро приду.

Когда он ушёл, сразу подошла к Элли с вопросом:

- Кто это?

- Маска, - ответила она. - Просто маска. Тот, к кому мы пришли не может находится в одном месте, слишком большой объём задач, слишком много людей, с которыми нужно встречаться и это только с нашей стороны. Вот и приходится пользоваться подобными ухищрениями.

- Не поняла.

- И не надо понимать, рано ещё. Нам бы вернуться живыми, потом у тебя будет много времени, чтобы во всё вникнуть, - она махнула рукой.

- Элли, давно не виделись!

Голос оказался намного приятнее ломающегося голоса подростка, обернувшись, с удивлением увидела Пашу. Но только это был уже не он. Черты лица плыли, стекали, как вода, его одежда стала продолжением кожи, как раскраска плотными красками, она переливалась, менялась, плотнела и растекалась. Тоже самое творилось и с волосами, которые как мелкие змеи то спускались вниз, то завивались тонкими кудрями. И только глаза, уж точно не Пашины, оставались неизменными. Глубокие седые, испарывающие душу ножом. В них не было ни зла, ни добра, ни равнодушия. Ничто. Но в тоже время всё.

Элли резко придвинулась и закрыла ладонями моё лицо.

– Не смотри ему в глаза, – прошептала она на ухо. – Иначе затянет и станешь очередной маской. Но мы же пришли сюда не за этим?

Наваждение спало как будто его и не было.

– Здравствуй, Харон, – вежливо, но с теплотой, поприветствовала его Элли, убирая от лица руки.

Теперь изменчивость внешности спала, оставив перед нами интересного, в возрасте тридцати-тридцати пяти лет, мужчину с приятными, но незапоминающимися чертами лица. Всё в нём было такое, лёгкое и незамысловатое, как пятиминутный набросок на крафтовой бумаге, быстрый и только основные черты. Мягкие полные губы пастельно-розового оттенка, круглый овал светлого, почти белого, лица с теряющимися скулами от яркого света, широкие брови и аккуратный нос, волосы цвета льна с рыжиной, тёплые оттенки в выборе одежды – мягкий, крупной вязки, свитер, коричневые брюки, туфли в тон.

Единственное неизменное – глаза, от которых так сложно оторваться, поэтому смотрю на переносицу, так немного, но легче.

Он производил довольно странное впечатление. Словно бы перед тобой человек-открытие, кто-то необычный, нестандартный, кого встретишь в метро или автобусе и будешь всю дорогу разглядывать, но в тоже время он терялся, растворялся в окружающей обстановке, как будто его никогда и не было. Очень чуждый. Не смотря на приятную внешность, скорее пугал, чем притягивал. Собственно, если правильно помню мифологию, Харон является Стражем

подземного мира. Наверное, в современном мире, именно так он и должен выглядеть. Не знаю.

– Дай угадаю, зачем пожаловали: на ту сторону хотите перейти? – с лёгкой улыбкой сказал он, подходя ближе. – Я ждал этого от тебя, Элли. Но не думал, что полезешь не одна. Кто с тобой?

– Её брат попал в схожую ситуацию, что и я когда-то. Нужно вытащить, – сухо ответила девушка, а затем достала из сумки голубой свёрток и развернула его. – У меня есть, что предложить.

Харон пересёк разделявшее нас пространство и почти выхватил ветвь из её рук. Взвесил, поднял над собой поближе к свету, прищурился, а затем провёл ногтем по краешку.

– Позолота, – разочаровано протянул он. – Думал, ты всё-таки расщедришься на нечто более дорогое.

– Прости, но я решила, что и так сойдёт, – иронично хмыкнула она. – Берёшь?

– Куда я денусь, – после чего он посмотрел на меня и немного поджал губы. – Близнецы. Как всё скверно.

– В чём дело? – нахмурилась Элли, переводя взгляд с меня на него.

– Если парень в беде, сестру за собой потащит. Вопрос только в том, кто окажется сильнее. Ставлю на неё, но у него хорошая поддержка, – Харон холодно посмотрел на Элли. – Тебе бы в это не лезть. Слишком опасно.

– Предлагаешь её бросить?! – возмущённо воскликнула она.

– Не бросишь, конечно. Но я бы на твоём месте обдумал варианты. Лучше запихни её в Институт, там о ней смогут позаботиться.

– Я брата не брошу, – вступилась резко. – И защита от него мне не нужна. Он меня любит и ничего мне не сделает. Вообще, о чём вы таком говорите? Утащит, опасен... это смешно! Максим мой брат. Единственный человек, который

действительно любит меня. Он никогда не причинит мне вред. Это невозможно!

- Да ты сама-то веришь в то, что говоришь? - саркастически воскликнул мужчина, прижимая к груди ветвь.

Хотела возразить, но осеклась. Нет, не верила. И верила одновременно.

- Я буду всю жизнь себя ненавидеть, если не проверю. Если не узнаю наверняка, - опустив взгляд в пол, ответила очень тихо.

- Ладно, - просто сказал он.

Удивлённо посмотрев на него, изумилась - ветвь исчезла, но в груди мужчины оказалось золотое, медленно расплывающееся пятно, которое проступало на венах рук и шее тёмным сверкающим светом, который через несколько мгновений потух.

- Могла бы всё-таки расщедриться на что-то более ценное, - кисло пробурчал Харон.

- Прости, - почти вежливо ответила она.

Я задумалась, а какие их всё-таки связывают отношения? Не похоже, что просто деловые. Это было как минимум интересно.

- Думаю, ты хочешь покурить на дорожку, - заметил он, вкладывая в свой голос какой-то намёк, который девушка сразу же рассекретила.

- Да, Марго, подождёшь нас здесь?

Я махнула рукой. Хотят посекретничать, пусть их.

Элли

Достав из пачки сигарету, почти вплотную придвинулась к Харону, чтобы дикий ветер не сбил пламя зажигалки, закурив, отошла в сторону и мрачно уставилась на него. Он никогда не говорил мне ничего хорошего. Все вести от Стража были плохими.

– Ох, не смотри на меня так, – укоризненно вздохнул он. – Ты меня нервируешь.

– Рада, что способна вызвать в тебе хоть какие-то эмоции, – сказала, ничуть не покривившись. – Что скажешь?

– Отговаривать её – бессмысленно, тебя – тем более, так что я просто хочу убедить тебя быть осторожной. Ты выбрала это место не случайно, а значит вы идёте в одну из башен. Чёрная или Белая? И к гадалке не ходи, в белую ты и ради святой Терезы не полезешь, зная, кто там сидит, значит Чёрная. А раз парнишка как ты, то у него есть учитель – Чёрный человек. Всё правильно?

– Удивительно, что ты узнаёшь всё это от меня, – заявила холодно. – Помнится, обо мне ты знал с самого начала.

– Ты многого о себе не знаешь, Элли. Твой случай настолько уникален, насколько и прозаичен случай этого Максима. Он хоть жив? Не в пустую идёте?

– Катерина уверена. Значит шанс есть, – ответила, пожав плечами и стряхивая пепел на стылую землю.

Его слова, как и прежде, вызвали с трудом подавленную волну вопросов. Харон частенько говорит загадками, и никогда не отвечает прямо. Мне послышался лай собак и в этой какофонии звуков вдалеке померещился особой вой, неживой.

– Ты напугана. Чем?

– Это всё нервы, – покачав головой, отказываясь говорить правду, оборвала его.

– Что тебе снится, Элли? Неужели Изнанка, что ты так рвёшься туда? – он говорит тихо, а черты лица вновь плывут, сбивая с ног своей расплывчатостью, непостоянством, пугающей белизной мягких линий.

Раньше это не раздражало, теперь безумно злило.

– Хватит, – резко закончила разговор. – Ты знаешь, зачем мы пришли. Так давай уже приступим.

– Ваши маски продержаться не дольше суток, так что не задерживайтесь, – он вновь уплотнился, на лице проявилась извечная скука и отрешённость. – Действуй, как знаешь, Элли. Кто я такой, чтобы вмешиваться в дела живых.

Марго

Они вернулись на удивление быстро и по лицу Элли понятно – разговор был не из приятных.

Посмотрев на нас, Харон почти учтиво проговорил:

– Дамы, прошу за мной, в самую увлекательную часть клуба развлечений. Сегодня вам предстоит побывать в интереснейшем месте, где самые мрачные частицы нашего «я» оживают!

Он театральным жестом открыл перед нами двери, ведущие в коридор, украшенный постерами из фильмов ужасов, несколькими, весьма потрёпанными жизнью, скелетами и, неожиданно, приятной музыкой, напоминавшей ту, что играла в старинных английских лифтах, доносившейся как будто из старого приёмника под потолком. По правую и левую стороны, располагались двери, каждая была выполнена в стиле заявленных на плакате у входа развлечений. Тут была и комната страха, с традиционными пауками, и будуар гадалки, со знаком вопроса и малопонятным числом под ним: «42», а также зеркальный лабиринт, самая крайняя с противоположного конца дверь, с дешёвым дождиком, обрамлявшим небольшое зеркало с призывом поверху: «А ты рискнёшь заглянуть себе в сердце?» Как примитивно. Но почему-то эта атмосфера напомнила мне старый фильм Стэнли Кубрика про отель, в котором главный герой сходит с ума. Странное чувство.

И из всех вариантов, разумеется, он остановился рядом с последней дверью. Вновь посмотрев тяжёлым взглядом, спросил:

– Вы уверены в своём решении? У вас есть последний шанс отказаться и повернуть назад.

Элли выжидающе посмотрела на меня, как бы напоминая всё то, что говорила раньше. И про брата, и про то, как это может быть опасно. Мне вспомнился сеанс, во время которого чуть не отправилась следом за призывно зовущим Максимом. Нет, дороги назад нет.

– Да, мы уверены, – заявила твёрдо, выдерживая опасный взгляд Харона.

– Ну что ж, тогда повторю правила, на всякий случай, – почти язвительно сказал он. – У вас есть сутки, после чего вы не сможете вернуться через этот выход. Ничего не ешьте и не пейте, старайтесь избегать призраков, не лезьте на нижние уровни и самое главное, как пойдёте назад – не оборачивайтесь, чтобы вы ни услышали. Обернётесь и останетесь там навсегда.

Дождавшись от нас согласного кивка, он секунду помедлил, а затем открыл нараспашку дверь, ведущую в темноту.

– Проходите, – тихо сказал он.

Когда мы оказались по ту сторону двери, Харон крикнул напоследок:

– Элли! Если ты застрянешь, в этот раз я не смогу тебя вернуть.

Я внимательно посмотрела на девушку, ожидая её решения, но она лишь повела плечами, как будто сбрасывая с себя невидимую ношу.

– Учту, – упрямо сказала она и Страж закрыл за нами дверь, оставив в полной темноте.

– Тебе страшно? – раздался её тихий голос.

Сердце вновь выбивало канонаду, поэтому кивнула, не сразу сообразив, что в темноте, она этого не увидит.

– Очень.

– Это хорошо. Надеюсь, ты не из тех, кто впадает в ступор. Раз боишься, значит глупостей делать не станешь.

После чего Элли взяла за руку и крепко сжала.

– Смотри внимательно, глаза скоро адаптируются.

И правда, через несколько минут вполне сносно видела, что нас окружают миллионы двойников, запрятаных в пыльных зеркалах. Обстановка вызывала безотчётный приступ паники, отчего принялась высчитывать удары сердца, боясь хоть что-то сказать.

Элли уверенно повела за собой. Девушка шла с закрытыми глазами, поворачивая то направо, то налево, ни разу не сбившись и не ударившись о зеркала. Наконец, она остановилась перед одним из них, который ничем не выделялся и был как брат-близнец соседним.

Она сделала глубокий вдох и медленный выдох, плотнее сжала мою руку, а затем постучала в зеркало, как будто бы это была дверь.

Как можно описать Изнанку? Как можно описать что-то, настолько отличное от привычного мира?

Каждый день мы просыпаемся, умываемся, чистим зубы, варим кофе, смотрим на температуру, читаем новости, едем в метро, работаем, обедаем, ужинаем, смотрим фильмы, общаемся, умываемся, занимаемся сексом, ложимся спать... Всё происходит в таких привычных декорациях, что просто не замечаем мир вокруг. Мы его уже оценили, когда были детьми. Попробовали на вкус, пощупали, смотрели по сторонам широко открытыми глазами. Мы ощутили его, приняли, научились в нём жить, абстрагировались от всего обыденного, обращая свой взгляд только на то, что было нужно. Многие, чтобы избежать замыленности, отправляются в длительные кругосветные путешествия, стараясь взять от жизни все возможные цвета и краски.

Каждый раз, когда человек оказывается в неизвестном месте он, хоть на секунду, но теряется, стараясь казаться невозмутимым. Он впитывает всё, отыскивая тот опыт, что получил в детстве. Найдя реперные точки, успокаивается и более здраво оценивает окружающее.

Так вот, на Изнанке не нашла ни одной реперной точки. Ни одной. Описать это место живыми словами невозможно. Но попробовать стоит.

Изнанка – это как побывать на иной стороне жизни. Здесь всё другое, всё наоборот. Яркие краски, наполняющие наш мир и летом, и зимой, здесь тусклы и невыразительны. Воздух лёгок, но неосязаем, безвкусен, как будто запорошен пылью. Звуки приглушены, они почти отсутствуют, как и голубизна неба, заменённая уходящей в полную черноту серость. Солнца не было видно, даже тусклого шара, как это обычно бывает в облачную погоду, но свет как будто бы был везде. Из-за этого становилось страшно, потому что я не отбрасывала тень. Наличие света и его отсутствие. Одновременно. Нет ветра, нет вкуса, нет цвета, и что-то подсказывает, коснись чего-нибудь – не почувствую касания. Изнанка – это отсутствие жизни. Здесь ничего нет.

И это касалось не только ощущений абсолютной чуждости. Здесь в принципе ничего не было. Когда попыталась вдохнуть, то чуть не захлебнулась ужасом, понимая, что не могу этого сделать. Не могу ничего сказать. В панике попыталась поднять руки и только в этот момент дошло – меня нет. Нет рук, ног, головы, нет тела. Я не существую. Только мысль, бьющаяся в неизвестности, ещё секунду и её не станет. Но как же я вижу это бесконечную пустоту? Как же чувствую отсутствие чувств? Как могу мыслить, если не обладаю плотью, мозгом в конце концов? Знание о призраках подразумевает знание о душе, но вот так столкнуться с пониманием, что плоть – это ничто, было страшно. Я мыслю, а значит существую. Это немного успокоило, отрезвило, но планка страха всё ещё была слишком высока. Здесь, кроме пустоты, ничего нет. И Элли тоже.

Как я сюда попала? Может что-то пошло не так? Может меня выкинуло куда-то не туда?

Постучав в зеркало, Элли шагнула в него, ведя меня за собой как на привязи. И я шагнула в неизвестность, а оказалась здесь. Что теперь делать? Как отсюда выбраться? Если это Изнанка, то как мне найти брата, если я сама себя не вижу? Я абсолютно точно не призрак. У них хотя бы есть эфемерное тело. У меня нет и этого. Просто мысль, лёгкая как пёрышко и такая же невесомая. Кажется дунь –

и исчезну, потому что нет тела, не за что зацепиться...

И что будет теперь?..

Мне казалось, что прошли годы, столетия, прежде чем пустота рассеялась, прежде чем всё смешалось, сдвинулось, изменилось, стало плотным и реальным.

Рухнув на серый асфальт, судорожно хватая ртом безвкусный воздух, пальцами карябая поверхность, в бесконечном шоке ощутила себя живой. Настоящей! Я здесь и сейчас существую! Не исчезла, не растворилась в пустоте, а вернулась и стала реальной. Выжила.

- Да, подруга, досталось же тебе, - раздался до боли знакомый голос надо мной.

Подняв голову, увидела Элли в сером платье с распущенными волосами и в лёгких балетках. Словом, совсем не в той одежде, в которой мы отправились в путь. Так же, как и я. С удивлением, обнаружила на себе старые-старые джинсы с модными заплатками, любимую майку, поверх которой почти до колен спускался не менее любимый вязаный чехол. Под джинсами прятались туфли без каблуков, тоже из прошлого, только раньше были каблуки, один сломался, пришлось выкинуть. Эти явно лучше.

- Что это было? Что всё это было? - в горле пересохло, перед глазами летали мушки страха и потрясения.

Сложно вновь ощутить себя плотной. Всё время казалось, что ещё мгновение и улечу в никуда. В снова настанет та черед пустоты.

- Самый верхний уровень Изнанки. Ты, моя дорогая, оказалась намного легче, чем я думала. А значит и намного сильнее, - ответила девушка. - Помнишь, я говорила, что медиумы не остаются на Изнанке, а словно на экспрессе отправляются дальше? Ну вот, так это и происходит. Только ты ещё жива, поэтому и застряла. Окажись слабее, я бы утащила за собой, но что есть, то есть. Пришлось искать и вытаскивать.

– Не понимаю, – нахмурилась, но затем отбросила как лишнее.

Больше волновало то, что видела вокруг себя. А именно город. Москву.

Это столица, но в то же время и нет. Город, отбрасывающий разноцветные тени, и серые, теряющиеся в мерцающей дымке, здания. Воздух полон сомнениями, тихим шёпотом, далёким криком, призывом, уходящим в глубину улиц. Всё передо мной как поддёрнуто дымкой, лёгкой рябью по воздуху, эфемерной плотью. Всё не так и всё не то.

– Сейчас это не важно, – отмахнулась Элли. – Видишь город? Интересно, не правда ли? Мы как будто бы над ним, хотя в реальности Щукино не способно подарить такой вид. Пожалуй, Воробьёвы горы, да ещё какие-нибудь возвышенности, но явно не то место, откуда мы вышли сюда. Можно сказать, главное отличие – все входы на Изнанку, как будто спуск с небес, находятся на возвышенностях, меняя рельеф.

– Всё так зыбко, – провожу рукой перед глазами, стараясь унять непослушную рябь.

– Привыкнешь. Здесь нет ничего постоянного, всё меняется, всё не на своих местах.

Элли с некоторой мрачной торжественностью уставилась на город, спрятав руки в карманы чёрного осеннего пальто. Это перемена удивила сильнее всего остального. Минуту назад девушка была одета в летнее платье, а сейчас такой осенний наряд... Осмотрев себя, не заметила перемен, что, в свою очередь, вызвало ещё большее любопытство. Заметив это, Элли пояснила:

– Всё меняется. И мы в том числе, – лицо Элли поплыло как маска Харона, черты исказились, сквозь них проступили птичьи, совиные очертания. А затем всё пропало и передо мной вновь стояла девушка. – Прежде чем пойдём, нам нужен ориентир, чтобы вернуться. Найди что-нибудь в местности особенное, за что можно зацепиться. После тебе нужно будет только вспомнить это, чтобы появился коридор, который выведет тебя обратно в реальность.

Оглядевшись, ненадолго впала в подобие ступора, так как никак не могла сообразить, что происходит. Попадание на первый уровень Изнанки не прошло

даром, всё казалось, что я ещё там. Застряла в пустоте.

– Выбрала.

– Отлично, тогда пошли, – кивнула Элли.

Мой выбор пал на простенькую деревянную табличку, валявшуюся у входа в клуб. Она была наиболее плотной из всей обстановки. Даже лицо клоуна постоянно шло волнами, то исчезая, то меняя цвет. А вот табличка со стёртым временем названием, была настолько реальной, что я бы рискнула взять её в руки.

Элли повела меня за собой и это было не менее удивительным чувством, чем всё остальное. Её прикосновение в этом ненастоящем мире такое реальное, такое тёплое.

Эмоции притупились, смазались, как вся эта рябь, от чего путешествие, как сквозь туман, семимильными шагами, не вызвало даже лёгкого удивления, не говоря уже о чём-то большем. Мне просто любопытно смотреть по сторонам как через плотную сетку – отстранённо и далеко.

Но если бы у меня и были эмоции, то полностью описать происходящее – невозможно. Каждый шаг нереален в нашем мире. Элли шагает сквозь улицы, как какой-то волшебник из страны Оз. Она делает это с закрытыми глазами и очень сосредоточенным лицом. Чуть шевеля губами, хмурится, морщится, но шаг за шагом, приближает нас к виднеющейся на горизонте башне, похожей на чёрный вариант английской башни «Мэри-Экс».

То, что мы проходили, вызывало не меньший интерес. Я видела всё и вся. Секунды, ударяющиеся друг о друга, вызывали мелкую мурашку по коже, это было невозможно. Дождь, льющий как из ведра, только над взявшейся из ниоткуда автобусной остановки. Дикий порыв пурпурного ветра, с запутавшимися льдинками, режущими без крови щёки. Плач сотни разодетых в белые одежды дев, заламывающие руки передо мной. Здания всего за один шаг меняющие до неузнаваемости внешний вид. Монах в серой рясе провожавший нас крестным знаменем, из глаз которого текли чёрные слёзы. Стая собак с человеческими глазами, вой и лай которых нёсся ещё долго вслед. Улицы и мостовые под ногами то из грязи, то из брусчатки, то из асфальта, а то и вовсе –

раскалённые угли новорожденной земли. А звёзды! Какие звёзды озаряли нашу дорогу из жёлтого кирпича! Млечный путь, такой, какой и не увидишь даже в самую чёрную ночь. И так быстро, как вспышки, падающие жёлтые, сиреневые, красные, голубые, синие звёзды...

Я видела всё и вся. И не могла остановиться, чтобы не смотреть. Не могла закрыть глаза, настолько невозможно было то, что видела. С каждым шагом всё больше и больше понимаю – брось меня Элли, не вышла бы отсюда живой. Это просто невозможно, настолько всё ярко, настолько всё необычно и чуждо. Я не чувствую опасности, но знаю, что она на каждом шагу. Это ясно как день. Только вера в медиума позволяла мне идти за ней. Только сомнения в том, что блёклое воспоминание о табличке поможет мне вернуться. Я доверяю слепо. Но иначе нельзя.

– Всё, – выдыхает девушка, замирая, как вкопанная.

До башни ещё так далеко! Она, как копьё, пронзающее свинцовое небо, виднеется вдали. Меня удивила остановка, но и подарила возможность отдышаться, немного прийти в себя после столь головокружительной прогулки.

Мы остановились в лете. В районе, очень сильно напоминавшем Патриаршие пруды, однако в более старом виде. Удушающий зной да низкие тёмные-тёмные тучи, высветляющие далёким солнцем до желтизны листву склонившихся над водой деревьев. В воздухе разлит неприятный гнилостный аромат низины и болот. Липкий пот тонкими каплями спускается между лопаток, оставляя за собой зудящий след. Волосы завились в мелкую кудряшку, одежда сменилась на лёгкое совсем детское платье и босоножки с разболтавшимся ремешком. В голове пронеслись туманные воспоминания из детства. Лето, первая жара, велосипед и наперегонки до речки... боже, это было так давно!

– Почему мы остановились? До башни ещё далеко!

– На самом деле один шаг, – ответила она, не двигаясь с места и не давая сделать это мне. – И его сделаешь только ты. Но прежде послушай меня очень внимательно. Ты ненадолго окажешься наедине со своим братом. Минут двадцать максимум. Будь готова к тому, что он откажется. Будь готова к тому, что он захочет помешать уйти. Как заподозришь неладное, вспомни ту зацепку и уходи. Я это почувствую и пойду за тобой, поняла?

- Да, - в горле моментально пересохло. - А если он согласится?

- Тогда бери его за руку и следуй за своим символом, - Элли развела руки. - А я последую за вами.

- Это так работает?

- Изнанка - это мир иллюзий. Мир фантазий. Какие-то плотные, какие-то фантасмагоричные, а какие-то выглядят совсем как настоящие. Изнанка является отражением своих обитателей. И выглядит так, как они хотят.

- Да-да...

Она говорила, но я почти не слышала, о чём. В голове стоял невыносимый гул, хотелось выключить всё и забыться. Невыносимая дорога. Невыносимая жара.

- Тогда удачи, - ответила она, увидев моё состояние. - Иди.

Это был кабинет отца. Старый деревянный стол с дорогой лакировкой, придающий ему тёплый оранжево-красный цвет. Центр покрыт тёмным сукном, а по бокам вплоть до ножек спускается причудливая узорчатая вязь, заканчивающаяся изгибом в виде хвостов рыб. Отец очень гордился своей покупкой, он считал, что этот стол придаёт ему солидности, хотя на самом деле выглядел скорее аляповато, учитывая остальную обстановку комнаты.

Длинный красный ковёр в восточном стиле, от дверей до самого окна, несколько разномастных стульев вдоль стен, сельская картина, покрытая кракелюрой, в потрескавшейся раме, огромная люстра с половиной неработающих лампочек и с несколькими отсутствующими деталями. Пластиковые окна, фиолетовая тюль, обои в зелёный горошек. Комната вся была такая... разноцветная. Всё в разных стилях, выполнено разным качеством и заставлено как придётся.

Но папе нравилось. Ему всё в нашем доме нравилось. Потому что было его. Он сам или вместе с мамой выбирал мебель, покупал обои и заказывал стол. Он

любил наш старый дом, и эта любовь передалась нам. Даже после того как отец разорился и мы были вынуждены переехать к деду, в царство чистоты и порядка, мы нет-нет, да вспоминали, как носились по старому дому, играя и шумя на все лады. Счастливого было время.

Максим сидел за отцовским столом и что-то печатал на старом компьютере, вглядываясь в пожелтевший от старости ЭЛТ-монитор.

Чувство ирреальности происходящего усилилось. Всё, что видела, противоестественно и естественно одновременно. Мне нестерпимо захотелось ущипнуть себя, чтобы проснуться, поскольку именно в эту секунду окончательно запуталась, смешав в голове и Изнанку, и реальный мир. Здесь, в этой комнате, показалось, что всё случившееся за последние дни насмешка и на самом деле иллюзия, а то, что вижу – правда.

– Марг?! – раздался неуверенный голос брата. – Как ты здесь очутилась?

Это и правда был мой брат. Его голос нельзя спутать. Он такой же, как и прежде. Короткие «ершистые» волосы, рыжие, но более светлого оттенка, чем у меня. Упрямая линия губ, прямой взгляд и такая же, почти зеркальная копия, россыпь веснушек на курносом носу и щеках. В глазах травяная зелень, глубже и темнее, чем была прежде, под ними – фиолетовые синяки, как будто он вновь переписывает диплом на последнем курсе. Руки перед собой сжаты в кулаки, а взгляд... такой жадный, ненасытный... чужой.

Это уже не мой брат. И от этого на душе стало так тоскливо. Я знаю Максима до каждой чёточки, до каждой клеточки и до каждого шрама, спрятанного под отглаженной рубашкой и аккуратными штанами. Знаю о нём всё, как и он обо мне. Но теперь передо мной как будто бы сидит совсем чужой человек. Сидит и смотрит, пристально и тяжело. И я тушуюсь перед этим взглядом, падая ниже и ниже, забывая всё, о чём хотела спросить, оставив лишь главное:

– Макси, пойдём домой...

Но разве он может ответить так, как того желаю?

– Здесь мой дом, – он сжимает руки в замок, совсем как отец и чуть наклоняет голову вперёд. – Я почувствовал тебя на днях. Ты искала меня. Значит теперь ты

видишь мёртвых?

- Да, - отвечаю чувствуя, как внутри всё холодеет. - Ты потащил меня за собой.

- Я не тащил. Ты сама пошла, - он говорит уверенно, но я знаю - лжёт. - Как и сейчас. Марго, нам нужно о многом поговорить...

- Нет, не нужно, - отрицательно качаю головой. - Знаешь, когда искала тебя, ещё на что-то надеялась. Думала, что дневник - это просто набор слов, бессмысленный поток мыслей, не имеющий ничего общего с реальностью, ведь я тебя помнила совсем другим. Но теперь всё изменилось. Я нашла тебя. И сразу потеряла, - глубокий вдох, жду его реакции, ведь это, скорее всего, наш последний разговор.

- Ошибаешься. Я не изменился. Мой учитель открыл то, что уже было во мне. Чувство справедливости, - жёстко ответил Максим.

Зелень глаз потемнела, налилась холодной бирюзой. Брат поднялся из-за стола и обогнул его, прислонившись к краю, словно зная - подойдёт ближе - и я сбегу.

- Это есть и в тебе. Наш дед невольно посадил семена этого чувства в наши сердца. Не понимаешь? Вижу, что нет. Скажи, Марг, мы ведь не просто ушли из дома, мы отказались от всего, что обещала нам семья. Почему? Может потому, что это было неправильно - так жить? Я всегда знал, что рано или поздно, но ты откроешься. Как в детстве, помнишь?

- Не понимаю о чём ты говоришь, - осторожничаю, смотрю прищурившись, всматриваясь в его потемневшее лицо.

- Я говорю о том, что из нас двоих, ты была первой. Именно ты увидела бабку, не я. Помнишь? Ты закричала на похоронах, увидев её. Все решили, что ты просто перенервничала. Потом бабка приходила к тебе, раз за разом, и ты никак не могла от неё спрятаться. Марг, неужели ты этого не помнишь?

- Она приходила к тебе, - упрямо мотаю головой. - И ты с ней разобрался.

– Ошибаешься, – он кривит губы. – Ты плакала каждую ночь. Плакала и приходила ко мне, потому что только рядом со мной старуха отступала. Ты постоянно спрашивала меня: «Ты её видишь, Макс? Ты видишь её?» А я отвечал, что никого не вижу. Но потом, зная, как ты страдаешь, стал лгать. Притворяться, что вижу её. И мы поменялись местами. Ты перестала видеть, а я обрёл этот дар. Маятник качнулся, вот только я был готов к встрече, поэтому справился. И снова, и снова, каждый день видя духов, научился справляться со своим даром, в то время, как ты училась в пансионате для девочек, не видя и не слыша мёртвых. Но теперь всё изменилось, не так ли? Ты теперь одна из нас.

– Заткнись! – закричала, не выдержав его слов.

– Ты моя сестра, Марг! Как ты можешь отворачиваться от меня после всего, что я сделал для тебя? Тебе не кажется это несправедливым? – говорит с мягкой укоризной, но взгляд холоден как лёд и такой же тяжёлый, жгучий. – Я люблю тебя, Марго. Ты – моя семья, как и Чёрный человек. Ты же читала дневник, а значит знаешь, почему я здесь. Неужели так сложно понять зачем?!

– Я... – запнулась, не зная, что сказать.

– Что плохого в том, что призраки хотят жить? Кто вправе решать, кому переходить, а кому умирать? И почему это призракам нельзя пытаться изменить навязанную судьбу, которую они не выбирали! Почему мы все должны играть в игру, правила которой известны только тем, кто уже на той стороне? Марго, дорогая, поверь мне, то, что мы делаем, правильно. Мы берём судьбу в свои руки и решаем сами, как нам жить после смерти.

– Но ты же умрёшь! – вырвалось непроизвольно. – Ты сейчас умираешь! Максим, я говорила с Элли, она знает, что призраки не так добры, как тебе кажется!

– Элли? Ты сказала Элли?

Облик брата мгновенно преобразился. И если раньше передо мной был действительно мой брат, то сейчас он превратился в совершенно иного человека, только черты лица остались прежними, но изгиб бровей, складки возле губ, морщинки вокруг глаз, всё изменилось, стало почти отталкивающе злым. Настороженный, жадный взгляд, крылья носа в разлёт, он смотрит, сжимая пальцами край стола. – Она здесь, с тобой?

– Максим...

Чувство непоправимой ошибки накрыло с головой. Нужно уходить, нужно бежать отсюда!

Элли

Марго исчезла на удивление быстро. Девочка настоящий подарок для сообщества медиумов. Как только преодолет страхи и своё сопротивление, станет ценным участником нашего мира. Она сильна, очень сильна. Немногие способны вернуться с первого уровня Изнанки. Поражена, что она сделала это. Но в тоже время, это очень странно, ведь я вела её за собой, как же она оказалась там?

Достав из кармана пачку сигарет, прошлась по неподвижной улице и присела на одну из лавочек прямо напротив памятника горящей алым жар-птицы. Интересно, в реальности здесь памятник Крылову, откуда взялась пернатая? Пожалуй, в этом есть особая прелесть Изнанки – она способна удивлять живых. Мёртвым, по большому счёту, всё равно. Они формируют образы из подсознания, маскируя таким образом, что всё воспринимается как обыденность. С налётом тусклой серой краски, вызывающей тошноту. Я, будучи живой, чувствую себя здесь вполне уютно.

Запрокинув голову, уставилась в насыщенное тёмной синевой небо. Скоро пойдёт дождь. Воздух, звенящий озоновым напряжением, дрожит, как провода высоковольтных линий, всё замерло словно перед прыжком. Ты чувствуешь, как с каждой секундой всё тяжелее и тяжелее становятся тучи над тобой. Где-то поблизости уже звенят, гремят по мостовым, упругие разноцветные капли дождя. Они с грохотом ударяются о землю, отскакивают и падают вновь и вновь под звуки грома, вспышек молний, проснувшейся свежести воздуха.

Но здесь, в эти мгновения, дождя нет. И не будет, потому что Изнанка не обладает физикой реальности, она подвластна фантазиям своих обитателей. И, видимо, на ближайшее будущее, Патриаршие пруды будут выглядеть именно так. Застывшие в оранжево-синей гамме закатных лучей, прикрытых тяжёлым одеялом из дождевых туч.

Мне нравится привкус сигарет на Изнанке. Здесь он идеален. Та самая неуловимая дозировка, наступающая в реальности либо с первой сигаретой, либо в момент сильного напряжения после трудного дела. Тяжёлая, расслабляющая, закручивающая дым в причудливые узоры, полностью подвластных моей фантазии. Я развлекалась минут десять и всё это время, сигарета тлела и не думая заканчиваться. Слишком увлекательно, чтобы продлиться дольше.

На землю упали мелкие капли, а со стороны Садовой улицы потянуло осенним холодом. Вмиг подскочив, укутавшись в осенний плащ с высоким горлом и длинным-длинным рыжим шарфом, уставилась напряжённо в пустоту. Небо надо мной серело и темнело, фонари вспыхнули оранжево-зелёным светом, в набухающих тенях проявилась густая синева. Сюда кто-то идёт.

Мне бы скрыться, шагнуть в пустоту, закрыв глаза, но тогда потеряю Марго. Она не знает, что кто-то идёт, и я не уверена, что она сможет вернуться без моей помощи. Поэтому остаюсь здесь, плотнее и плотнее кутаясь в серость и сырость, в ветер из промозглых капель и жухлых листьев, в тихое жужжание фонарей, прячась на дне покрывшегося тонкой гладью льда пруда. Раствориться, исчезнуть, спрятаться и не думать, не дышать, не существовать. Маска должна подействовать, иначе мой обман раскроется как дважды два.

Затаившись, напряжённо вслушиваюсь в пустоту. Надо мной качаются деревья, осыпавшиеся листья шуршат по голой смёрзшейся земле, а неровные дорожки испачкались в грязевых лужах, щедро созданные невидимыми каплями дождя.

Незнакомец возник как из ниоткуда, как чёртик из табакерки выпрыгнул напротив потускневшей от холода птицы. Мне не увидеть его лица так, чтобы не раскрыться, но я и так знаю, кто стоит на площади, сжимая руки по-военному – за спиной. Одетый во всё чёрное – плащ по фигуре, блестящие лакированные туфли, кожаные перчатки, брюки. Волосы белые и светлые, короткие до ворота, обрезанные, открывающие уши. Всё строго, чётко, аж до скрипа. Натянута как струна.

– Ах, Элли, не стоило тебе возвращаться, – голос с сильным акцентом, в нём и фальшивая мягкость, и жёсткость, доступная лишь тем, кто с роду говорит на немецком.

Он знал, что я здесь, значит Марго у них. Значит это всё же была ловушка. Максим не уйдёт с нами, а сделает всё, чтобы мы остались здесь.

Вынырнув из воды, возникла прямо напротив мужчины, чуть склонила голову набок, криво улыбнулась, сжимая кулаки. Мой наряд изменился, не было нужды притворяться – живым чужд и холод, и зной Изнанки. Мы здесь лишь гости. Поэтому простое белое платье, распущенные волосы – всё на контрасте с чернотой призрака. Он не имеет власти надо мной и погода по велению моих желаний меняется, ночь уступает сумеркам, холод весенней свежести, рыжие краски – серым и голубым. На большее не хватает сил, всё же Чёрный человек умеет укрощать своё окружение. Но показать силу стоило – иначе он с лёгкостью подомнёт, и я растворюсь в неизвестности, оставшись здесь навсегда.

С Клаусом виделась всего несколько раз. И это было так давно, что остались лишь призрачные воспоминания о неприятии и скрытой злости.

Тогда и сейчас – всё едино. Он не изменился, та же одежда, тот же взгляд и осанка. Гордый, серьёзный, холодный как лёд. Нордический тип лица. Светлые, почти прозрачные брови, но сильный надбровный изгиб, придающий твёрдости и суровости. Скулы низкие, но чётко очерченные, а глаза серые пронзительные, глубоко посаженные. Он выглядит молодо, моложе «своей смерти». Приятное дополнение к обретению имени.

– Как я могла оставить вас надолго, – голос хриплый, но твёрдый, в самый раз. – Мы же так и не решили все вопросы.

– Из-за тебя Белый человек оказался заперт здесь, – верхняя губа нервно дёрнулась, но больше он никак не выразил своих эмоций. – Из-за такой маленькой и никчёмной девочки, как ты.

– Недооценили меня, не так ли? – на лице расцветает ядовитая ухмылка.

Мне нужно его отвлечь. Всего на секунду, но так, чтобы хватило времени улизнуть, сделать один шаг и увести за собой Марго.

Он стоит и немигающе смотрит. Обдумывает следующий шаг. Вероятно, моё появление здесь всё же было неожиданным. Они готовили ловушку для Марго, не для меня, а значит он просто не знает, что делать. Только один человек

способен поймать меня. Только один знает меня достаточно хорошо, чтобы это сработало. И он носит белое.

Делаю шаг назад, а затем обрушиваю какофонию звуков, привлекающую внимание всех призраков, что таятся поблизости. Срываю с лица резиновую маску, на всю Изнанку заявляя: «Смотрите, медиум здесь!» И моментально слышу их крики, надежды, их веру в лучшее. Они идут за мной. А значит у меня появилось время.

– Блестящих ход, драгоценная Элли, – зло процедил сквозь зубы призрак. – Думаешь, успеешь уйти?

– А меня уже здесь нет.

Закрытые глаза, шаг назад, чувствую, как воздух передо мной вибрирует – Клаус пытается ухватить, но поздно. Открываю глаза – передо мной престранная картинка: Максим сжимает за плечи сестру, прижимая её к стене. Он смотрит зло и видно, что он что-то доказывал Марго до моего прихода.

– Марго! – кричу резко, сходя с места и подлетая к ним. – А ну, отпусти её! – мне бы не хватило сил, но парень оказался слишком ошеломлён, чтобы сопротивляться, поэтому девушка с лёгкостью освободилась с моей помощью.

Её брат ещё жив, а значит его способности здесь малы до безобразия – он не сможет навредить. А Чёрного человека задержат несносные призраки, он не успеет прийти на помощь своему ученику.

– Ты сняла маску! – пронизательно с удивлением заявляет Марго.

– Нет времени, идём, – хватаю напряжённую девушку за руку и тащу за собой.

Вслед летят злые гневные слова:

– Марго! Не уходи, Марг, мы не закончили!

– Готова? – шепчу тихо, сжимая ладонь, Марго кивает, видно, что вспоминает свою зацепку.

Всё вокруг меняется. Из кабинета пропадает мебель, стены оплывают, проваливаясь в черноту. Впереди виден свет – наш путеводный знак. В этот раз дорога на землю выглядит как фантасмагоричная шутка – туннель наоборот, из смерти в жизнь.

Я держу её за руку, и мы идём вперёд. «Только не оглядывайся, только не оборачивайся, Марго», – в голове проносятся лихорадочные мысли. Сейчас самое сложное – дойти. Ведь если обернёшься – останешься навсегда. От этих мыслей адреналин скачет, просыпается глупое желание объесться шоколадом, и я мысленно обещаю себе горячую кружку какао, как вернусь домой. Боже, хоть бы ничего не сорвалось!

Но, разумеется, мои молитвы не были услышаны. Первый удар призраки решили нанести по мне.

– Маленькая принцесса вернулась, – раздался такой знакомый и родной голос за спиной, что непроизвольно оступилась, закрывая глаза. Не оборачивайся, это ложь.

– Элли, Мышонок, почему ты уходишь? Я так давно хотел увидеть тебя, пожалуйста, не уходи! – голос тёплый, доброжелательный, близкий. Из-за него сводит плечи, а зубы сжимаются от боли, разлившейся по сердцу. – Милая моя, не уходи! Мы так мало времени провели вместе, что же ты опять бросаешь меня?

– Убирайся! – не выдержав, кричу, но всё же не оборачиваюсь. – Я знаю, это ложь! Моего отца здесь нет!

– Элли!

Голос с укоризной вновь и вновь зовёт на все лады по имени. Так, как это делал мой папа. Вновь и вновь, он обращается ко мне, просит хотя бы взглянуть на него, подарить улыбку, смех. Он режет сердце и не желает умолкнуть.

Я оставляю на запястье Марго синяки – слишком сильно сжимаю руку, но девушка не сопротивляется. Не могу видеть её лица, но догадываюсь – она понимает меня.

А затем они переключились на неё. И боже, насколько же это было просто!

– Марго! – крик отчаяния за спиной почти до ультразвука. – Помоги, сестра! Они тащат меня в воду! – вопль ужаса и паники нарастает, я не успеваю среагировать, не успеваю хоть слово сказать – девушка с небывалой лёгкостью вырывается из рук и делает шаг назад.

– Нет! – теперь уже мой крик разносится по туннелю. – Марго, вернись! – но было поздно.

Замираю на месте, мучительно и невыносимо больно. Сжимая пальцы до крови. Я не могу её оставить!

– Уходи, – едва слышный шёпот. Я почти чувствую его касание, он шепчет на ухо: – беги, Элли, останешься – погубишь и её, и себя. Она сильная, сможет продержаться до твоего возвращения. Беги, родная, иначе всё проиграешь.

Я делаю глубокий выдох и срываюсь с места. Не думать, не думать, только не думать. Не чувствовать мурашки по коже от чувства близости. От того, что он был рядом.

Белый человек.

Глава 6

Чёрный цвет быстро сменяется мушками белого. Вдох и выдох. Падаю вперёд, больно приложившись лбом о кафельную плитку. Глаза закрыты, после череды резко сменяющихся вспышек, ничего не видно, нужно привыкнуть. Ко всему. К вернувшимся запахам, объёмным звукам, по-настоящему ярким краскам, к вкусу воздуха, к тому, насколько многогранен реальный мир.

– Я уже вызвал их.

Открываю глаза. Надо мной, как памятник укоризны и еле сдерживаемой злости, возвышается Харон. Внешность изменилась, хоть и осталась прежней. Как и всегда. Страж – олицетворение его сущности, переменчивой, текучей, как вода. Он одет в ту же одежду, но тональность изменилась на холодные оттенки, черты лица заострились, в них появилась отчуждённость и суровость, сделавшие его старше. Этот человек или не человек, всегда поражал меня. То, насколько он разносторонен. Необычен. То, насколько он чужд всему реальному и нереальному.

– Я предупреждала её, – говорю устало, поднимаясь с колен. – Где она?

– На кушетке. Её тело вернулось раньше, – говорит невыразительно, скрестив руки на груди. – Что ты теперь будешь делать?

– Ты ведь мне не поможешь?

– Не в этот раз. Сама знаешь, существуют законы, которые не изменить. Я не могу забрать её с Изнанки. А в сложившихся обстоятельствах, не думаю, что у меня это вышло бы, даже если бы захотел.

– Всё настолько плохо? Почему ты об этом не говорил? – нахмурилась, следуя за ним в каморку сторожа.

– Потому что ничего нельзя изменить, – он качает головой, останавливаясь возле захламлённого стола, наблюдая, как я опускаюсь на корточки возле спящей Марго.

Девушка выглядит совсем безмятежной. Ничто в этом мир не потревожит её сон. Теперь она во власти Изнанки и, если ничего не делать, скоро окончательно перейдёт на ту сторону. Она умрёт.

– Но ты можешь, – продолжает он. – Ведь ты вернулась, а значит не так потеряна, как я думал.

– А ты считал, что я искала предлог, чтобы вернуться к нему? – поворачиваю голову, смотрю с упрёком, а он и бровью не повёл. – Я не настолько безрассудна.

– Они приехали, – он уставился в стену, чуть сощурившись. – Мне пора. Надеюсь, у тебя получится всё исправить.

– А куда я денусь, – говорю растворяющемуся в воздухе Харону.

Почти в ту же секунду на пороге появилось несколько человек с носилками. Всё, как в тот раз. Разница лишь в том, что я вернулась, а Марго нет.

Выбравшись на свежий воздух, с облегчением вздохнула, забирая пронзительную свежесть в лёгкие. Ранний рассвет. Ночь отступила, но день ещё не наполнил красками воздух. Тени светлеют, от былой мрачности не осталось и следа. Небо будет ясным, солнечным, безветренным. От этого мороз крепче, но не так тоскливо, как в ветреные дни, с серыми безбрежными облаками, голыми деревьями и тусклым светом.

Конец ознакомительного фрагмента.

Купить: https://tellnovel.me/ru/par_dasha/chernyy-chelovek

Текст предоставлен ООО «ИТ»

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию: [Купить](#)